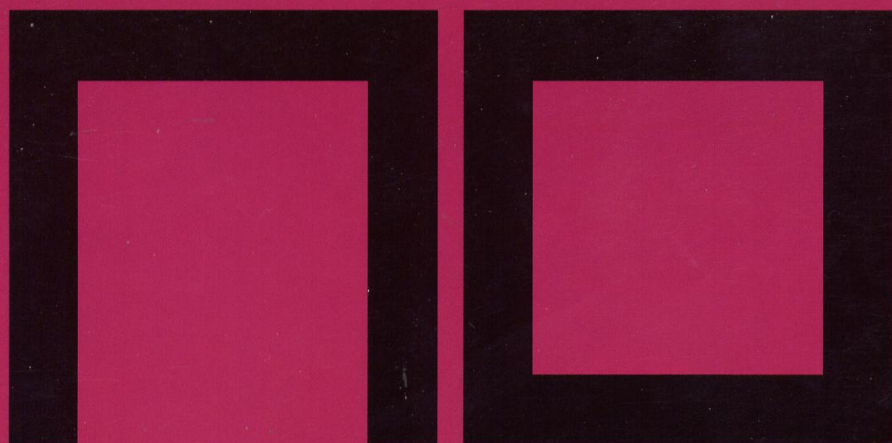

«Свобода — родина всего мира». К.Кедров

Ж У Р Н А Л

№ 12 (33)

2011

ЭТОВ

РУДА СВОБОДЫ

Рисунок Константина Кедрова

ДООС — добровольное общество охраны стрекоз

1 1 0 1 2

Константин Кедов

Бобозои пелісь губы... Велимир Хлебников

Ж У Р Н А Л

№ 1 (26) 6 201

МИРУ И ВЕЛИМИРУ

Дыр бул щыл убешшур скум... А. Кручёных

Ж У Р Н А
№ 3 (27)

Ж У Р Н А Л
4-5 (29) 2011

ГЕН
ТУР
ГЕН
ЕВА

«Я — скиф с кифарой». Константин Кедров

Ж У Р Н А Л
№ 6-7 (30) 2011

ЭТО

СКИФЫ И СФИНКСЫ

мурамурамурамурамурАмурАмурАмурАмурАм

Ж У Р Н А Л
№ 8-9 (31) 2011

ЭТ□В

АМУРтизация

доос

Андрей Писарев

10

100С – добротное общество страны спорта

ЛЮДИ
МОНУМЕНТАЛЬНО

«За ним повсюду вездик медный...» А.С.Пушкин

Ж У Р Н А Л

Андрей Вradий
доос

«Новогодняя композиция»

Руду добывали

2-3-4

Константин Кедров

5

Александр Городницкий

6-7

Пабло Неруда, Павел Грушко

8

Александр Бубнов,
Антиох Кантемир

9

Елена Кацюба,
Владимир Маяковский

10

Йон Деген, Феликс Гринберг

11

Алексей Торхов,
Владимир Попович

12

Сергей Бирюков,
Дмитрий Мережковский

13

Евгений Чупров

14-15-16

Чарльз Берстин

17-18-19

Галина Мальцева

20

Велимир Хлебников,
Денис Колчин

21

Ольга Адрова,
Иоган-Вольфганг Гете,
Виктор Клыков

22

Света Литвак

23

Насир Хосров,
Евгений Степанов

24-25-26-27-28

Валерия Нарбикова

29

Илья Кутик,
Марина Цветаева

30

Анатолий Кудрявицкий,
Бенедикт Лифшиц

31

Татьяна Зоммер,
Хендрик Джексон,
Владимир Маяковский

32

Вилли Мельников

33

Анатолий Жигулин,
Маргарита Аль

34-35

Алла Кессельман

36

Александр Лысенко

37

Алексей Крученых

38-39-40

Марина Розанова

41

Андрей Коровин,
Осип Мандельштам

42

Людвиг Легге, Омар Хайям

43

Александр Чернов

44

Хадаа Сендо,
Денис Безносков,
Ганна Шевченко

45

Юрий Беликов

46

Кристина Зейтунян-Белоус

47

Наталия Азарова,
Валерий Брюсов,
Константин Бальмонт,
Владимир Монахов

48-49

Виктор Ахломов,
Дмитрий Шостакович

50

Шерил Перссон

51

Ян Пробштейн

52-53

Кира Сапгир,
Константин Кедров,
Андрей Вознесенский,
Юрий Москалев,
Шри Чинмой

54

Александр Раткевич,
Михаил Зенкевич

55

Тумас Транстрёмер

Константин Кедров

доктор философских наук
ДООС – стихозавр

МЫСЛЬ И

Для меня современная поэзия началась со стихотворения Поля Элюара «Свобода». Может быть, потому что текст этот родился вместе со мной. Я родился – Элюар написал «Свободу». Или Элюар написал «Свободу», и я родился. Это уже детали. Но вся Франция, еще не скинувшая фашизм, уже повторяла: «Я родился, чтобы назвать тебя, чтобы узнать тебя, Свобода». Я отчетливо вижу эту собаку-сласену, на ушах и лапах которой Поль Элюар мысленно начертил французское либерте, но русское – свобода – ничуть не хуже. Франция вздохнула свободно в 1945-ом, а России предстояло прожить около полувека, чтобы сбросить коммунистическую диктатуру. Но самое поразительное, что коммунисты люто ненавидели и запрещали свободный стих. Многих и сегодня раздражают стихи без назойливой рифмы в конце строки. И совершенно напрасно. Гениальные рифмы Маяковского каким-то непостижимым образом вплелись в свободный стих, и родилась поэзия невиданной мощи. Она рождалась не без влияния Рембо, Бодлера, Аполлинера, Верхарна. Но, родившись, дала новый заряд энергии всей мировой поэзии. Поль Элюар, Луи Арагон, Пабло Неруда, Николас Гильен – они дети Маяковского, и все они много раз об этом сказали.

Тем не менее, сегодня русский свободный стих еще только формируется или рождается. Вернее, русская поэзия пошла по другому пути: не отказываясь от рифмы, она ее расшевелила анаграммами, палиндромами, комбинаторной лингвистикой, кругометами. Велимир Хлебников в содружестве с Маяковским сделали для русской поэзии то, что Шенберг и Шостакович для музыки – раскрепостили звук, ритм, мелодию.

Я не берусь предсказывать, каким будет стих в первой половине XXI века, но уже сейчас ясно, что без достижений Хлебникова, Маяковского, Элюара, Неруды,

САД НОТ

В этом саду из нот
произрастают самые причудливые мелодии
словно беззаконный Шенберг ветвится в зарослях
Но розы как всегда – Моцарт

Если бы я жил один день
только один сегодняшний
то и тогда бы благодарность опережала утро

Андрея Вознесенского не обойтись. Да и не надо обходиться, мы же не скупые рыцари, чтобы держать в сундуках такое богатство. Добыча руды Неруды и поэтического радия Маяковского идет с невиданным доселе размахом. Не хочу называть имена, чтобы никого не обидеть, но среди недавно ушедших добытчиков Алексей Парщиков по праву рядом с Андреем Вознесенским по мощи и силе стиха.

Рисунок Константина Кедрова.

ЧУВСТВО

Есть только одно надежное укрытие на земле
Это небо

Есть только одно ощущение бессмертия
Чувство любви

Доверяю только сердцу ведущему обратный отсчет
Только разуму способному ошибаться и ушибаться
Только предчувствию похожему на воспоминание
Только воспоминанию похожему на предчувствие
Ближе себя я вижу только тебя

* * *

Я иду по внутренней стороне сферы
Головой вниз
если смотреть снаружи
Низ — это верх внутри
хотя под ногами
небо

Эхо

Утопая в музыке
Проваливаясь в клавишный лед
Я перешел
На другую сторону звука

Уже оттуда
Я слышу
Эхо тишины

О ХИТ ТИХО
ТИХО ХИТ

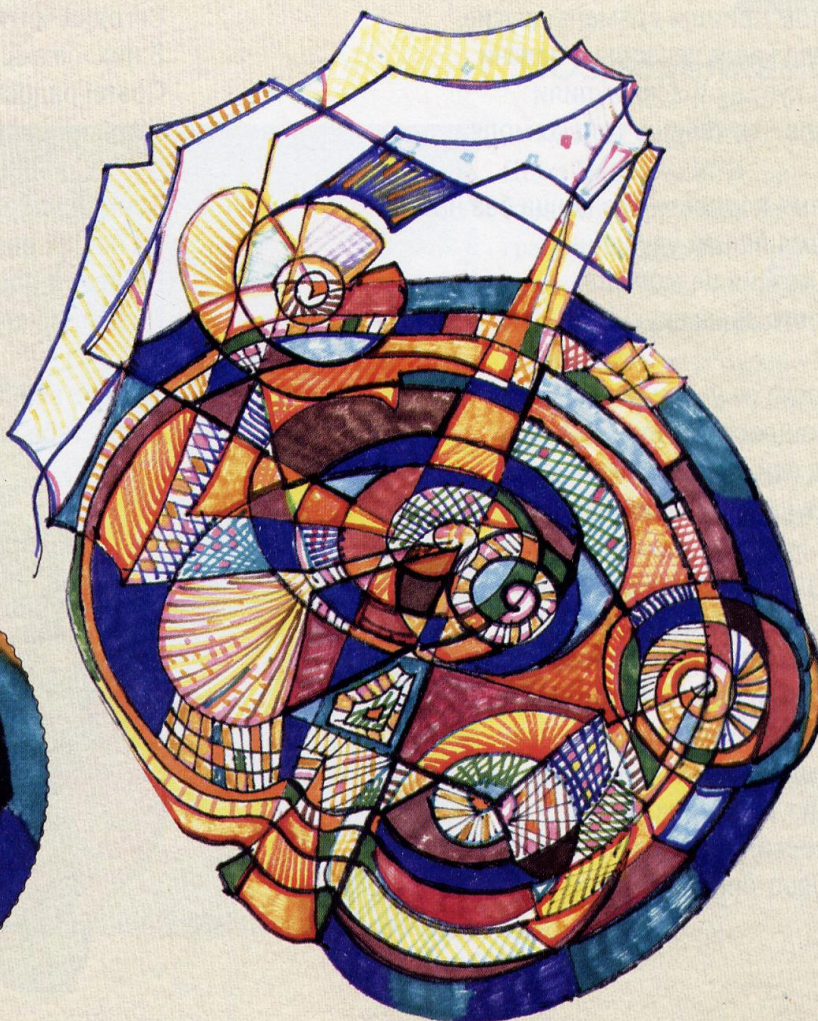
У меня есть шестое чувство —
чувство мысли
и еще у меня есть мысль чувства

* * *

Как быстро люди
Усваивают урок несвободы
Мол это говорить можно
А это нельзя
А я по природе своей свободен
Я двоечник планеты Земля

Триумф Свободы на Триумфальной
А у нас всегда свободы Триумф
В общежитье хрущевском
В брежневской коммуналке
Свободен ум и свободен дух

И если не все слова доходили
До вас без твиттера и фейсбука
Мы все писали и все говорили
И это была свободы наука —

Константин Кедров

Потом пришли времена другие
Когда наши цензоры и палачи
Все купили и всех купили
Пиши что хочешь только молчи

Время подлости без конца без начала
Время любви удушенной
Но поэзия не молчала
Просто ее не слушали

Просто ее утопили в глянце
В пошлости павловых вер
Над ней гэгэкал и изгалялся
Главный диктатор и лицемер

Но люди свободные по природе
Всегда надеялись верили
В Россию вернется ее свобода
Свобода ее – Поэзия

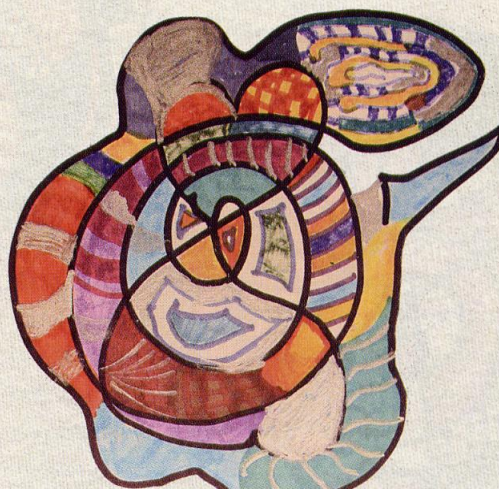
Когда отхлынет бурлящая пена
Уйдут в историю митинги
В России политика второстепенна
Второстепенна политика

Сегодня митинги как стихи
В них смеха раскаты глухие
Поэты радостны но тихи
Что б не замутить стихию

Боимся мы заболтать свободу
На наших искренних митингах
В России Поэзия – это Свобода
Поэзия – наша политика

Здравствуй, свободная стихия
Опять тебе пишу стихи я!

01.01.2012

Александр Городницкий

Санкт-Петербург

Помириться так и не сумели
Стихотворцы из былых времен,
Те, кто революцию воспели,
С теми, кто уехал за кордон.
Понимаешь вдруг, хоть и не быстро,
Посмотрев внимательно назад, —
Тот, кто подстрекает на убийство,
Так же, как убийца, виноват.
В гуле пушек и вороньем гаме
По воде расходятся круги.
Те, кто век свой кончили врагами,
И сегодня — смертные враги.
На погостах покосились ели.
Новые приходят времена.
Над Россией войны отшумели, —
Длится лишь Гражданская война.
Кожа переплетная бугрится.
Тянет едким порохом от слов:
Маяковский, Тихонов, Багрицкий,
Бунин, Ходасевич, Гумилев.

11.09.2011

Желтый лист уносят реки.
В небе облак серебристый.
Уродись я в прошлом веке,
Я пошел бы в акмеисты.
Чтобы слушать Мандельштама,
И Цветаеву, конечно,
Избегать словесных штампов
Над Невою быстротечной,
И писать о капитанах,
Подбирая точно слово,
Видя рядом постоянно
Бритый череп Гумилева.
И брести в рассветном дыме
Мимо мостиков горбатых.
Чтобы сгнать вслед за ними
Не в двадцатых, так в тридцатых,
Не поняв, что в общей лодке
Нас несет к пучине бурной
Век серебряный, короткий,
Как каналы Петербурга.

17.09.2011

ПОздравляем!

11.11.11 в 11 часов в Доме Пашкова РГБ состоялась церемония награждения лауреатов премии «Открытая книга России» Национального библиотечного ресурса (РГБ, Президентская библиотека, сеть научных библиотек РАН). Среди лауреатов наши авторы и члены редколлегии Константин Кедров (на снимке слева) и Александр Городницкий. А также Наталья Солженицына и лауреат Нобелевской премии Жорес Алферов.

Фото Елены Кацубы
специально для ПО.

Пабло Неруда

(1904-1973)

Чили

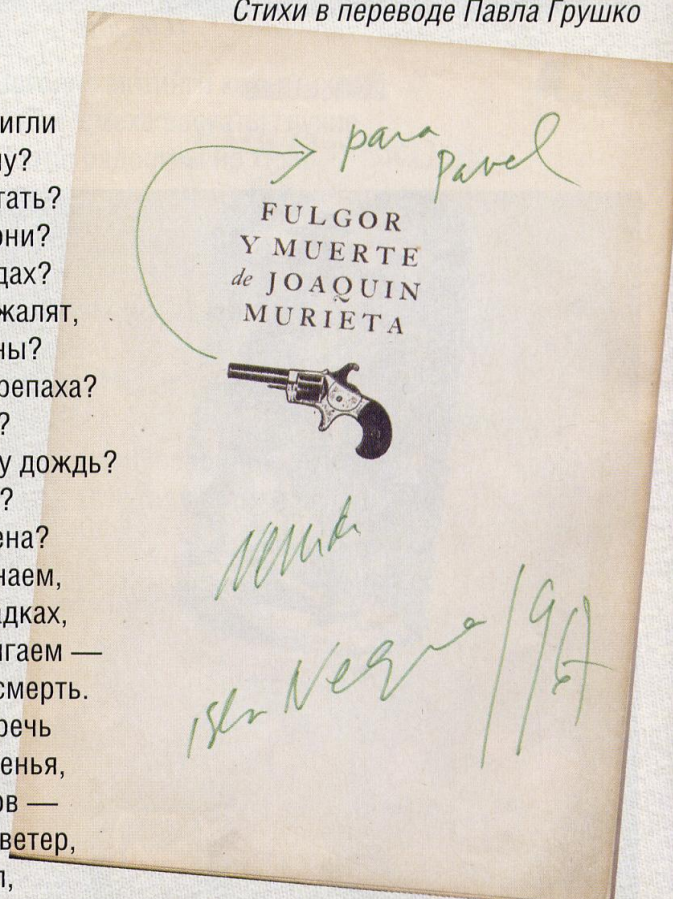
Фото Виктора Ахломова.
Москва, май 1967-го
Публикуется впервые.

Молчанье – не золото

Почему рубин полыхает
алыми языками?
А сердцевину топаза
наполнили жёлтые соты?
Почему проказница роза
меняет цвет своих грёз?
А изумруд – холодной
утопленницы под водой?
Почему небеса бледнеют
июньской звёздной порой?
Где ящерка для хвоста
покупает свежую краску?
Какой подземный огонь
воскрешает гвоздики?
Где добывает соль
этот прозрачный взгляд?
Где уголь спал, что проснулся
таким бесконечно чёрным?..
Где покупают тигры
траур и золото лент?
Когда начала сознавать
жимолость свой аромат?
Когда узнала сосна
про свой пахучий итог?

Когда лимоны постигли
солнечную доктрину?
Как дым учился летать?
Когда беседуют корни?
Какая вода на звёздах?
Отчего скорпионы жалят,
а слоны добродушны?
Что обдумывает черепаха?
Куда уползает тень?
Что поёт без умолку дождь?
Где умирают птицы?
Почему листва зелена?
Так мало ещё мы знаем,
так путаемся в догадках,
так медленно постигаем —
уносим вопросы в смерть.
Не лучше ли приберечь
гордыню до погребенья,
до города мертвецов —
до той поры, когда ветер,
обживая твой череп,
рассекретит секреты,
нашепчет чистую правду
провалам, где были уши.

Стихи в переводе Павла Грушко

Для Павла. Неруда. Исла-Негра. 1967.
Надпись на драматической кантате
«Сияние и смерть Хоакина Мурьеты»

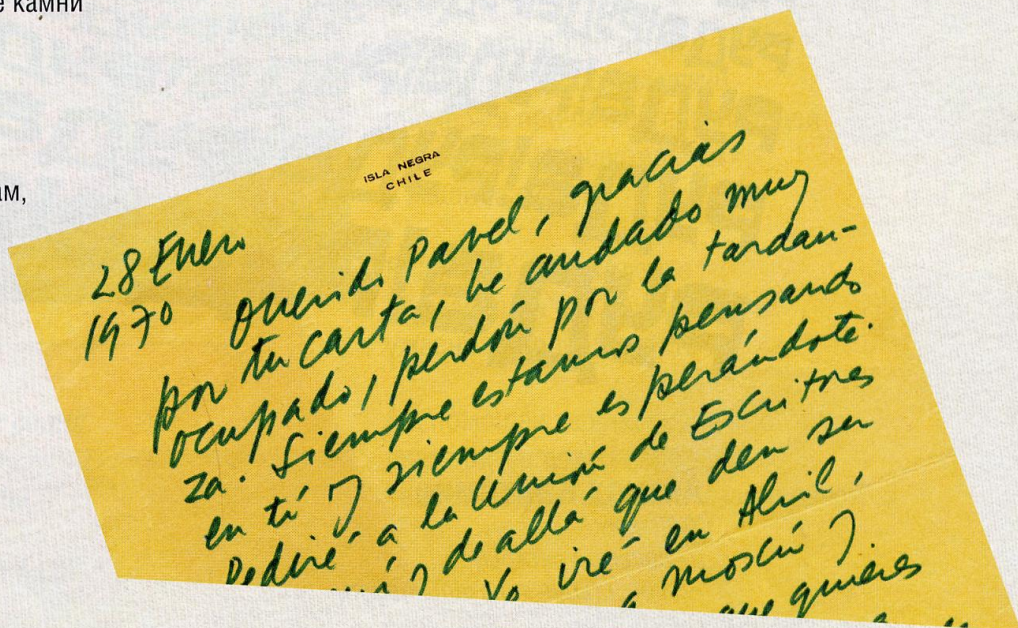
Москва, ты альбатрос равнины,
у тебя огромные крылья,
твое гнездо — чёрствая горбушка Кремля,
Василий Блаженный играет в свои игрушки,
город с квадратной душой,
бесконечно пепельны твои новостройки —
отштампованные на заводе коробки,
твоя река, петляя,
обвивает стан крепости,
словно любящая рука.
Город, самый немой и могучий,
ты — дряхлая готическая звезда
или потайное владычество
завитых раковинами соборов
с низкими тяжёлыми арками,
пригнувшими шеи окаменелым изваяниям
Царя Ивана и Иосифа Грозного?
Центр времени, порою ты тонешь,
порою так высоко взмываешь,
что отовсюду видны твои древние камни
и прямые фигуры святых,
храмы, тёмные, словно тюрьмы,
и золотые соски куполов,
парадные белые залы, где живы
имена героев, подобных гвоздикам,
испепелённым в огне войны.
Город пылающего безмолвия, —
костёр в морской глубине.

Вулкан

Вулкан — дерево, ветвями вниз.
Вверху — его огненный корень.
Листву он творит в недрах —
за листком листок, и серу —
за крупницей крупцу, и руду —
искрошенную, пока не стала цветком,
чьи лепестки — из огня глубин,
и каждая ветка роет окаменелую толщу,
чтобы расцвести пламенем.
Растёт и растёт вниздерево живого огня,
плавит, растит раскаляет
карающий меч.

В первый раз, будучи студентом Московского университета, я увидел Неруду издали на сцене актового зала, когда он читал свои стихи. А познакомился с ним через несколько лет в гостинице «Советская», куда он пригласил меня после того, как услышал мои переводы в исполнении актера В.Сомова, угадав, какие стихи тот читал. Во время той встречи он подарил мне несколько книг, надписанных, как он всегда это делал, зелёными чернилами. С той поры я видел Неруду несколько раз. Он присылал мне все свои книги с дружескими посвящениями. У меня хранится также машинопись книги «Баркарола» с его правкой. Подавляющее большинство произведений Неруды написаны свободным стихом (верлибром), однако в испанской поэзии, благодаря её силлабо-тонической природе, верлибры не столь аритмичны. Строки, при отсутствии рифм, деликатно сопрягаются, не просто так нижутся одна на другую, размер нерудовских верлибров, скажем так, — вертикальный, поймать и не упустить просодию развивающегося текста крайне важно.

Павел Грушко, Бостон, США

28 января 1970. Дорогой Павел, спасибо за твоё письмо, я был очень занят, прости за задержку с ответом. Мы постоянно думаем о тебе и всегда ждём тебя. Я попрошу Союзы писателей здесь и там, чтобы одобрили твой прилёт. В конце апреля я буду в Москве и прошу тебя сообщить, какие из моих книг или других книг привезти тебе? Я поищу марки для Грушко-сына. А пока обнимаю тебя. У тебя есть мои "Светопреставление", "Баркарола" и "Руки дня"? С братским объятием. Пабло Неруда.

К письму Неруды, 1970, Исла-Негра, Чили.

ДООС – палиндрозавр

удар! удар! удар!

Антиох Кантемир

XVIII век

ИЗ ВОСЬМОЙ САТИРЫ

«На бесстыдную нахальчивость»

Видал ли искусного когда рудомета,
В жирном теле кровь пущать больному в отраду?
Руку сего обвязав, долго, часто, сряду
Напруженну щупает жилу сверху, сбоку
И, сталь впустив, смотрите, чтоб не весьма глубоко,
Ни узку, ни широко распороть в ней рану,
Чтоб не проткнуть, чтоб под ней не нанести изъяну.
Того осторожности точно подражаю,
И когда стихи пишу, мню, что кровь пущаю.

руда — кровь; рудомет — лекарь, пускающий кровь.

Елена Кацюба

ДООС – libellula

РУДА ЧУДА

Орды руды гремят внутри терры
Роет норы наружу руда
Через разломы раскопы трещины
карабкается
взрывается вверх фейерверком
громоздит терриконы

Равно речь растет в красном мраке гортани
Хором ее на гора выгребаем
Сказано было прежде времен:
– Да будет...
– Добудем свободу-руду! – грянем в ответ.

*

Чудо – удар в дно души
дурман добычи руды удачи
прочерк в причинной связи вещей
нестандартная шестеренка
в машине счастья

Блаженно его ожиданье
безжалостна его неожиданность
ужасна его однаждность

Беспомощен творец перед роботом
беззащитен ловец перед дичью
человек перед чудом исчезает совсем

...чудо!

*

А сердце в темноте живет
ему о мире весть приносит кровь-руда
Вот почему закат багровый
и завтра ветер

«Поэзия –
та же добыча радия.
В грамм добыча,
в год труды.
Изводишь
единого слова ради
тысячи тонн
словесной руды».

Владимир Маяковский, 1926

Лето 1945 года, Московский Дом литераторов. Йон Деген пришел на это заседание прямо из военного госпиталя, на костылях. Его критикуют за грубый натурализм стихов о только что закончившейся войне. Прямо в зале Дома литераторов Йон Деген пишет ответ Константину Симонову и читает его уважаемым членам Союза писателей СССР:

Я не писал фронтовые стихи
В тихом армейском штабе.
Кровь и безумство военных стихий,
Танки на снежных ухабах
Ритм диктовали.
Врывались в стихи
Рваных шрапнелей медузы.
Смерть караулила встречи мои
С малоприветливой Музой.
Слышал я строф ненаписанных высь,
Танком утюжа траншеи.

Вы же – в обозе толпою плелись
И подшибали трофеи.

Мой гонорар – только слава в полку
И благодарность солдата.

Вам же платил за любую строку
Щедрый главбух Литиздата.

Йон Лазаревич Деген родился в 1925. В 1941 году ушел на войну добровольцем после девятого класса. Всю войну провел на передовой, сначала в разведке, затем командиром танка Т-34, до конца войны – командиром танковой роты. Перенес семь пулевых ранений, но каждый раз после поправки возвращался в строй. В мозгу остался осколок, верхняя челюсть собрана из кусочков раздробленной кости, изуродована правая нога. Награжден боевыми орденами Красного знамени, Отечественной войны I степени, двумя орденами Отечественной войны II степени, медалью «За отвагу» (ею очень дорожит), польским орденом «Крест Грюнвальда». После войны окончил медицинский институт, защитил кандидатскую и докторскую диссертацию. С 1977 г. живет в Израиле. Один из ведущих специалистов в области ортопедии и травматологии, сейчас он на пенсии, но по-прежнему консультирует по специальности. Издал 9 книг стихов и прозы. Пишет новые книги, выступает в разных городах.

Феликс Гринберг (Нетания, Израиль)

Воздух вздрогнул.
Выстрел.
Дым.
На старых деревьях
обрублены сучья.
А я еще жив.
А я невредим.
Случай?

Всё у меня не по уставу.
Прилип к губам окурочек вечный.
Распахнут ворот гимнастёрки.
На животе мой «парабеллум»,
Не на боку, как у людей.

Всё у меня не по уставу.

Во взводе чинопочитаньем
Не пахнет даже на привалах.
Не забавляемся плененьем:
Убитый враг – оно верней.

Всё у меня не по уставу.

За пазухой гармошка карты,
Хоть место для неё в планшете.
Но занят мой планшет стихами,
Увы, ненужными в бою.

Пусть всё это не по уставу.
Но я слышу специалистом
В своём цеху уничтоженья.
А именно для этой цели
В тылу уставы создают.

Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.
Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.

Йон Деген, лето 1944 года, Третий Белорусский

Алексей Торхов

*ДООС – торозавр
Николаев, Украина*

НАСТОЯЩЕЕ БУДУЩЕГО

И когда изойдёшь звенящую
Лягушачьей кожей,
Вслед за звоном
Потянувшихся клином колоколов,
В небе, исхлѣстанном крыльями ящера...
И потом, когда перепишут как завещание
Детства сопливые сказки.
Обратят в неродной язык
(В чужую эру, одежду и голубовь),
Где гласные гласят о прощании...
(А согласные с ними согласны!)
Но каждая пауза – о прощении...
И далее, когда вспашут асфальшь,

Посеют родителей, камыш и зубы дракона.
Чтобы было
: Чему не бывать...
: Что хвалить...
: И кому ломать копыта...
Чтобы быдло
В «дартс» обратило иконы...
А память в хлопья...
И потом.
Такидалее...
Что быбы.
Аки дали...

Владимир Попович

поселок Приютово, Башкортостан

Первозданную сущность пространства крылатые птицы
Всегда разъясняют любым по развитию братьям
Примером своим, – но кварцевые крупички,
Склонные к вечным объятьям,
Гораздо их древней,
Как мера дней.
В полет:
И
Вот
Они почти
Себя затем хоронят,
И не совсем на полпути,
Но там уже, где вовсе их не гонят.
И только перистое облако – то мира борода –
Степенный идол того, что с ними произошло Навсегда.

*

Пока земные души	Пока дитя порока
Хлопочут о земных,	Потомками грозит,
Космические уши	Космическое око
Прослушивают их. Над бездною висит.	
В жемчужном полумраке,	
Покуда знать дано,	
Космические знаки	
Рисуются давно.	
Беззубая телесность,	
Уставшее стило.	
Другая неизвестность,	
Открытое число.	

Сергей Бирюков

доктор культурологии
ДООС – заузавр
Халле, Германия

Прикосновение к мраморной плите
а дальше сразу Дант
без остановки
а дальше волки
мелкие уловки

пыль

наждачный диск
высекновение искр
зубная боль
снижение
вспышка свет
крыло вода
прожилки словно вены
между теперь и словно
никогда
разомкнуты частицы
и летают
молекулы молекул
тайны тайн
берут и льют
и снова замирают
как замирившие вне –
запно «нет» и «да»
Silentium!

но пыль
еще безумие еще еще надежда
из пыли склеенные
Господа слюной
тебя ведут
и линия ноги
сломалась

пыль – это все
последнее что есть

ПЫЛЬ МРАМОРА

Статуя Данте Алигьери во Флоренции.
Скульптор Эмилио Деми.

ведь если рядом
трава
она седая
каменная
так
быстрее всех бегущий –
неподвижен

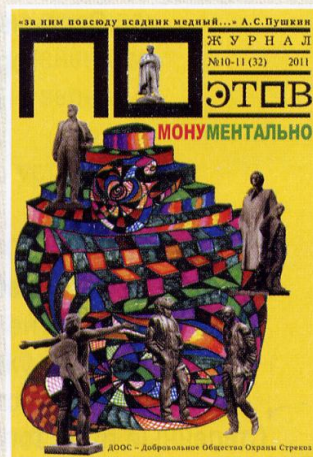
ДА
ты отвечаешь будто
анаграмма
la morte
и припорошено крыло
останется расставить знаки
бездарное зубило
взрежет край
но
буквица засветится былая
она жи-вая

пыль

Продолжение темы

ПО № 10-11(32), 2011

«Монументально»

1988

«Может быть, все отдельные человеческие души уходят корнями своими, как растения в землю, в одну великую общую Душу человечества. Если так, то к ней-то и прокладывает путь Данте, как рудопромысловик к драгоценной руде; с ней-то он и говорит, ее-то и спрашивает в своих молчаниях, и она отвечает ему тоже молча, глухими, подземными гулами или огненными взрывами чувств, таких же простых, общих и вечных, как она сама».

Дмитрий Мережковский
«Данте и мы»

Виденье дантовых колец –
сквозь «губ глазных» * навод на фокус.
Отныне здесь я не жилец,
хлеб вам отныне – hoc est corpus.. **

Деянья, сотканные мной,
и после нас однажды свяжут
вином, надуманной виной,
ещё услышите – вам скажут.

Отец меняется в лице,
глядите – вот уже двоится.
Затмение солнца на венце
ко мне подтягивают птицы.

Весь путь осветиться земной,
Войдя «как пить» в исходный опус.
Слова несказанные мной,
с числа колец сбивают фокус...

Стою на стыке двух веков,
где век на век, идя на стенку,
лудит остатками оков
людей голимую нетленку.
Дай волю – заживо спалят...

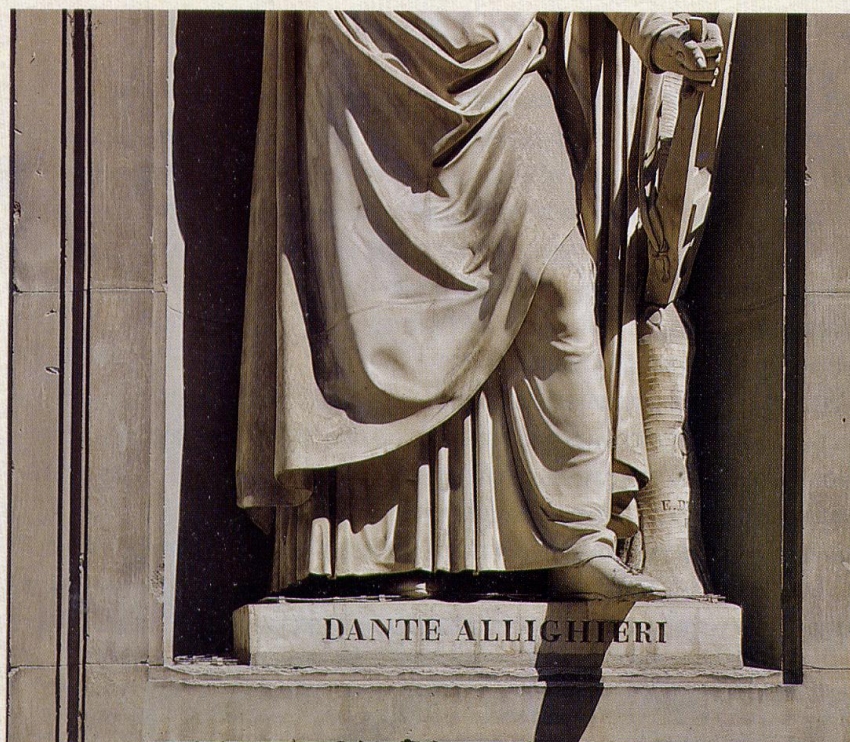
В одном глазу не станет даже
того, что следом обелят
иль осветят по пьяной блажи.

По знаку сведущих мужей,
когда и кем виток покину,
служаки дюжиной ножей,
откинут лишнюю мякину.

Они, как следует, пасут:
кому затем поступит глина,
когда воссозданный сосуд,
собой займёт дыхание сына...

В загоне спит с овном телец,
восход давно дугою львиной
связал видение колец
одной двойною пуповиной.

Цвет у колец белёс и слеп.
Вкуси и выкуси – Канопус! ***
Вам от меня вино и хлеб...
Отъезд, наезд, навод на фокус...

**Focus – (лат) – очаг, точка пресечения или преломления лучей, отсвеченных или отраженных. Точка отчетливого снимка. Средочие, центр. По другому маловероятному мнению слово хокус (фокус) восходит к изречению Христа на тайной вечере, часто скороговоркой повторяемому священником в церкви «сиу есть тело моё» – hoc est corpus meum».*

*** «губ глазных» – метафора заимствована у Данте.*

**** Канопус находится в Созвездии альфа Киля, рядом с Сириусом. Это и есть звезда счастья. Именно она способствует наполненности жизни человека, когда он пьёт жизнь, как из чаши.*

Фотография Елены Кацовой.

ВОССТАНЬ! *Strike because the sky turns gray just before it blacks out. Strike because when you were little your father told you too many lies...*

Восстань, ибо небо сереет перед тем как почернеть.
 Восстань, потому что отец слишком много лгал тебе в детстве.
 Восстань, потому что прибой встает на дыбы.
 Восстань, потому что душу воротит от старого и голова идет кругом от посулов.
 Восстань, потому что тошнит от обещаний и киданий.
 Восстань, потому что серый волк воет в прозрачном маскараде сада.
 Восстань, потому что горе подступило к горлу, а иначе — сидеть уставясь в экран.
 Восстань, потому что надежда начинается с разочарований.
 Восстань, потому что боссов нужно проверить реальностью, замешанной на поту рабочих.
 Восстань, потому что лишь коллективные действия отделяют нас от злократии¹.
 Восстань, потому что тебя нельзя продать.
 Восстань, потому что солнце уже не сияет как прежде.
 Восстань, потому что поезд алчности надо пустить под откос.
 Восстань, потому что ты потерял голову на бесконечных кругах одних и тех же кошмаров.
 Восстань, потому что дети твердят, что это ничего не даст, а родители — что время еще не пришло.
 Восстань, потому что даже демоны смертны.
 Восстань, потому что боль слишком сильна, работы слишком много, а вознаграждение
 слишком ничтожно.
 Восстань, потому что тебе не дают высказаться.
 Восстань, потому что так не должно было быть.
 Восстань, потому что лоцманы ведут корабль в логово плутократов.
 Восстань, потому что нужно отбивать каждую атаку, отвечать на каждое оскорбление.
 Восстань, потому что тебя томит голод по чему-то другому.
 Восстань, потому что ты не можешь забыть это и не спустишь это с рук.
 Восстань, потому что твое достоинство значит больше, чем их лицемерие.
 Восстань, потому что руки даны для созидания, не для выжимания последних соков из отчаявшегося
 человека.
 Восстань, потому что власть — это улица с двухсторонним движением, с переулками, переходами,
 неисследованными туннелями.

1. Неологизм Эзры Паунда из Канто LXXIX *rejogocrasy*, образованный от латинского *malus* — плохой (*rejog* — сравнительная степень), и греческого *kratia* (власть, правление), был также заимствован Чарльзом Олсоном в стихотворении «Зимородок».

Восстань, потому что твои голые руки — единственный твой хеджевый фонд².
Восстань, потому что угольная пыль удушает, а шахта — живая могила.
Восстань, потому что тебя тошнит от всего, что называют новизной, и ты отчаялся, что ничего не меняется.

Восстань, потому что тебя бросили.
Восстань, потому что больше так жить ты не можешь.
Восстань, потому что карты подтасованы, а сдающий тебя же обвиняет в шулерстве.
Восстань, потому что все слушают, но никто не говорит.
Восстань, потому что по-другому ты выразить это не можешь.
Восстань, потому что смысл нужно создать, ему нельзя научиться.
Восстань, потому что жизнь — это рассказ, а рассказчик — это ты.
Восстань, потому что я сказал тебе сделать это.
Восстань, потому что я тебя никогда не подведу.
Восстань, потому что я сказал тебе одно, а сделал другое.
Восстань, потому что я разочаровал тебя.
Восстань, потому что я выставил тебя дураком, заставив попытаться что-то делать.
Восстань, потому что выставил тебя дураком, заставив кричать.
Восстань, потому что, победишь ли, проиграешь ли, но главное — что-то делать.
Восстань, потому что ты не достал билеты на шоу.
Восстань, потому что у тебя никогда не было собственных мыслей.
Восстань, потому что никто не удосужился, посвятить тебя в планы.
Восстань, потому что ты можешь или думаешь, что можешь, или думал, что мог.
Восстань, потому что это лучше, чем бейсбол.
Восстань, потому что завтра придут за тобой.
Восстань, потому что возможно это — последний твой шанс.
Восстань, потому что ты знаешь цену, но предложение даже не приближается к ней.
Восстань, потому что сопротивление лучше, чем унижение.
Восстань, потому что ты предпочел бы не делать этого.
Восстань, потому что вечность — наша, когда мы вопрошаем.
Восстань, потому что ветер в спину даже когда ветра нет.
Восстань, потому что все пути ведут в никуда, и надежды превращаются в ничто, если вообще дела не становятся хуже.

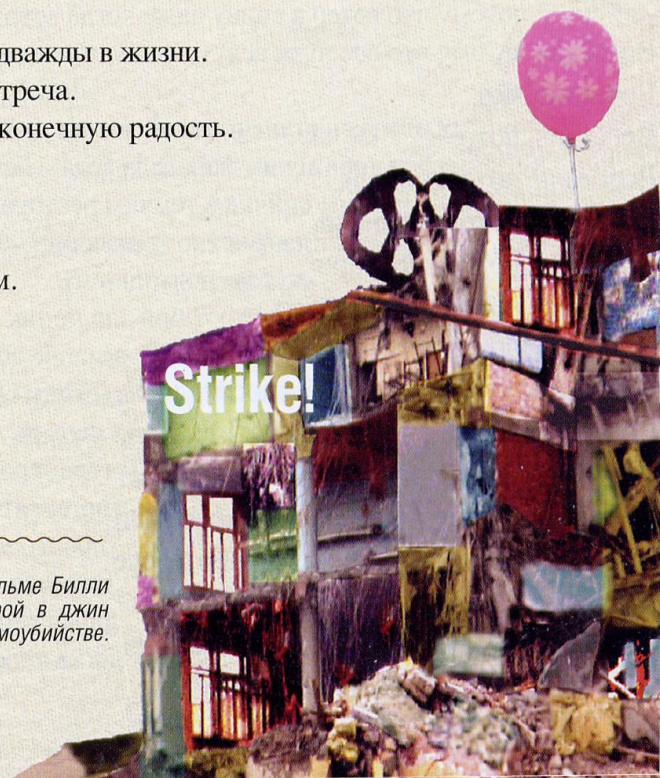
Восстань, потому что весь студень твоей жизни застыл на кромке прилива.
Восстань, потому что тебя мучит жажда, а вода — нету гаже.
Восстань, потому что даже спичка в темном ресторане помогает прочесть меню.
Восстань, потому что тебе ненавистно то, как они переделали планету.
Восстань, потому что осень нужно подтолкнуть.
Восстань, потому что причиненное тобой зло не так зло, как их зло.
Восстань, потому что ты рассредоточил внимание дольше, чем собирался.
Восстань, потому что колокола звонят, а ты почти глух.
Восстань, потому что ты бы восстал если б знал то, что как тебе кажется, знаешь сейчас.
Восстань, потому что нельзя возместить потерю крови.
Восстань, потому что сердце твое разбито, а стервятники над головой готовы растерзать остатки.
Восстань, потому что самоуспокоенность — просто потеря времени.
Восстань, потому что хотя от работы свербит в затылок, от безделья свербит в душе.
Восстань, потому что тень сомненья — лебединая песня неформала.
Восстань, потому что ты не восстал когда мог, а теперь уже поздно.
Восстань, потому что шумно.

2. Инвестиционный фонд спекулятивного характера, занимающийся высокорискованными операциями

Восстань, потому что блюзОво.
 Восстань, потому что в твоей жизни не хватает поэзии или это не та поэзия.
 Восстань, потому что всё достало.
 Восстань, потому что неугомонен соловей.
 Восстань, потому что подействовали колёса.
 Восстань, потому что влюблен или разлюбил или на подъеме или зашел в тупик, в голове пусто или
 полно планов, на грани срыва или в отличной спортивной форме.
 Восстань, потому что богатым лучше, чтоб ты сдох, чем заплатить налоги сполна.
 Восстань, потому что бедность поставили вне закона, но узаконено воровство корпораций.
 Восстань, потому что народные избранники – отнюдь не избранные.
 Восстань, потому что ты верил в Америку или не верил, но хотел бы поверить.
 Восстань, потому что Верховный Суд залатали на скорую руку пристяжными, их закон без чести.
 Восстань, потому что из-за Мэрдока и Берлускони кажется, что Большой Брат – паштет из печени.
 Восстань, потому что танцевать танго в одиночку невесело.
 Восстань, потому что тебя держат на телефоне дольше, чем когда-либо, ты хочешь повесить трубку,
 но при этом не потерять свою очередь.
 Восстань, потому что это почти так же эффективно, как прозак.
 Восстань, потому что твоему зеленому не хватает оранжевости, а лиловости пурпуру.
 Восстань, потому что Манхэттен³ — это звучит горько и пахнет джином рамми.
 Восстань, потому что это бесполезно.
 Восстань, потому что никому нет дела до того, что ты делаешь.
 Восстань, потому что ты решительно настроен или был настроен или не славно ли было бы так полагать.
 Восстань, потому что тебе нужен прорыв или срыв, или ты разорен, или видишь большую картину,
 или зрение твое сдает, и ты видишь только то, что перед носом твоим.
 Восстань, потому что нужно иногда вставать, чтобы получать удовольствие от сидения.
 Восстань, потому что в конце концов даже мечты уходят в песок.
 Восстань, потому что ты не подозревал, что способен на это.
 Восстань, потому что ты не способен на это.
 Восстань, потому что железо холодно и бессердечно, как муки зеленых муравьев⁴
 Восстань, потому что ты пропустил революцию.
 Восстань, потому что революции случаются только дважды в жизни.
 Восстань, потому что революция не цель, а вече и встреча.
 Восстань, потому что твоя апатия приносит тебе бесконечную радость.
 Восстань, потому что ты потерял голос.
 Восстань, потому что у тебя есть выбор.
 Восстань, потому что хочешь стать хористом.
 Восстань, потому что ты всегда хотел быть солистом.
Strike because it's taking too long.
 Восстань, потому что это тянется так долго.
Strike because you want to sing this song.
 Восстань, потому что хочешь спеть эту песню.

3. Манхэттен — зд. коктейль. Джин рамми – карточная игра. В фильме Билли Уайлдера «Квартира» (1960), главный герой Бакстер пытается игрой в джиг-отвлечь героиню, склоняемую к сожигательству боссом, от мыслей о самоубийстве.
 4. Аллюзия на фильм немецкого кинорежиссера Вернера Герцога.

А ЕЩЕ...

А еще было найдено послание к нам — «к читателям двадцатого века». В одном из коридорных шкафов коммуналки, под аккуратно уложенными коробочками с лампами я нашла сложенный ветхий желтый листок. А соседка тетя Маша когда-то работала на ламповом заводе и притащила их впрок. Потом благополучно забыла при переезде на новую квартиру. На радость мне. Ламп не хватало. То и дело перегорали то здесь, то там — большая квартира. Способная расширяться и сужаться, в зависимости от настроения, потому что была живым организмом. И могла вмещать невероятное количество моих друзей или, наоборот, кого-то бесцеремонно выпихивать.

А еще было ощущение, что оно (Послание) само выползло наружу и упало к моим ногам.

Это было Послание очень старого человека. Возможно, пришельца. Который только приступил к изучению человеческой речи. Настолько неграмотно оно было написано! Там было все названо своими именами: любовь, совесть, честность... без которых вряд ли может жить человек. И автор, назвав, как бы успокоился. Словно уверен был, что попадет по адресу.

И попал. К нам. Потому что это было «жилое» место. «Жилое — нежилое» — определение Ильи Кабакова. Он не раз бывал здесь. Талантливый и очень милый человек, который прославился потом на весь мир своими неповторимыми инсталляциями и арт-проектами.

У камина стояли два огромных кресла, подаренных мне одной одинокой театральной дамой. В них можно было утонуть — и тонули. Из подлокотников торчали пружины. Ими можно было играть. Управлять, как рычагами фантастической машины. А главное — в тряпичных бездонных дырах — хранилось черт знает что. Это «черт знает что» любил выуживать Костя Кедров (мой учитель в Литинституте). Нежно, горячо любимый друг. Великий поэт. Ученый, философ, номинант Нобелевской премии и много чего еще. Как и любой гениальный человек, больше был похож на гостя из будущего.

Галина Мальцева

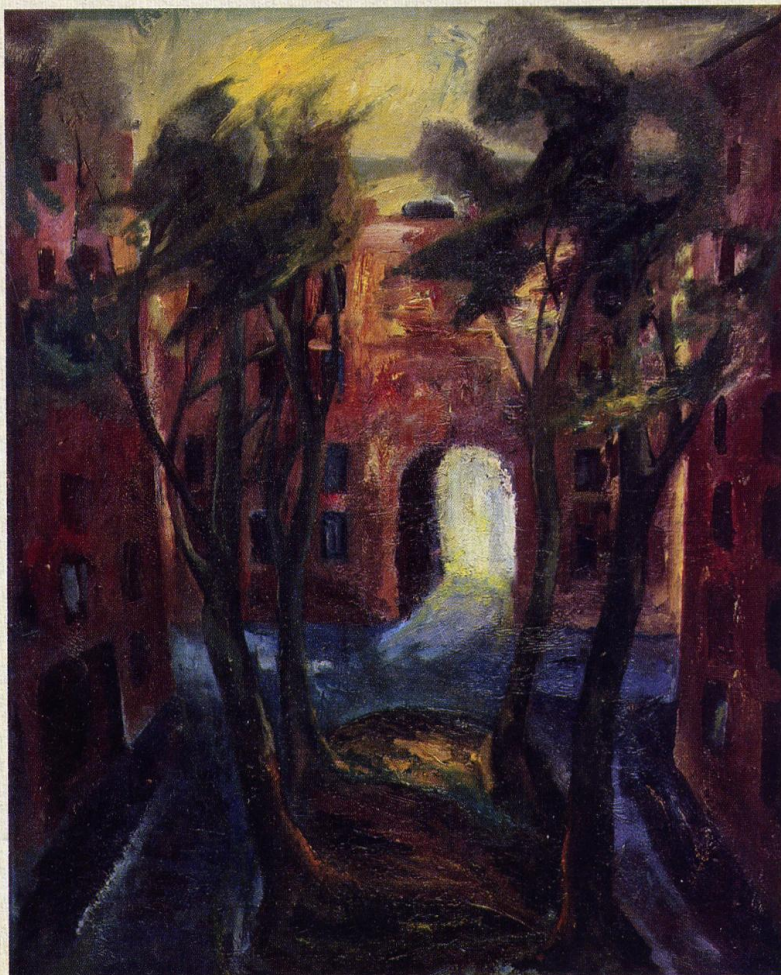
ДООС — стрекаселла

Так, заглянул на вечерок и немного задержался у камина. Движением руки фокусника доставал из недр кресла то крохотный кружевной лифчик, то чулочек или клочок странной ткани, который был так похож на Послание или письмо. Письмо, требующее нашей расшифровки. И мы начинали расшифровывать. Здесь же у камина мы сочиняли пьесы и тут же исполняли их. Одевались в старые платья. На головы напяливали шляпы, которые моя мама когда-то привезла из послевоенной Германии. Или начинали читать стихи... рассказы.

Вообще, перед камином происходила демонстрация нашей жизни. И это ему нравилось. Потому что в ответ камин наполнял теплом наши отношения и все то, что мы делали.

А еще было ощущение, что все гости, друзья, я... потом, разбежавшись, как бильярдные шары, — так и остались здесь, у камина. Это ощущалось особенно потом, при встречах.

Мы продолжали жить на одной волне. Начатая у камина фраза не прерывалась.

Галина Мальцева. Картина «Двор». 1995.

Мои друзья... Лена Кацюба... ее демонически прекрасная тень от волос волнующе бежала по выкрашенной нами радужной стене, когда она читала свои стихи. Может быть здесь зарождались ее палиндромические словари...

А еще Лера Нарбикова... талантливый писатель... Мы с ней по-прежнему кружимся по комнате вокруг старинного стола, вместе с моим сыном Андреем, под звуки Моцарта, поставленного на маниакальную громкость. Ночью. Окно нараспашку. Лето. И молчат соседи. Может, танцуют тоже? Скорее нет – онемев от нашей наглости. От Лериной прозы, провокационной и нежной.

И много-много других моих друзей – художников, поэтов. Просто людей, достойных камина и этого Послания. Мой брат Сашка, допившийся до полной ненужности, частенько исполнял роль приведения. Закутанный в одеяла, появлялся иногда в конце коридора на изумление и восторг гостей. И ему Послание тоже.

А еще здесь жили старушки. Это потом их расселили по их согласию. А мы остались, выразив согласие навсегда остаться здесь. Их расселили по окраинам Москвы. Они давно мечтали о настоящих квартирах, но потом горько жалели об этом. Так

и не привыкнув, умерли на окраине. Но это другая история. Очень разные старушки. Клавдия – была надзирательницей женского лагеря в 30-х. Баба Маша, сидевшая в 30-х в одном из них. Сара Соломоновна, замогильного возраста, по кличке Тортилла. Ее дочь Тема Яковлевна...

Тетя Маша, с половником в руках, трогательно пересказывала мне Библию. Библия от тети Маши была удивительно уютной, домашней. Как будто то, что происходило там, было за углом коридора. Иисус Христос – внуком тети Маши. У нее не было детей, из-за того самого женского лагеря. И поэтому, когда она говорила об Иисусе, веяло таким теплом, словно речь шла о ее внуке, который задержался в школе. Да и шарф забыл одеть...

И, конечно, они, старушки, никуда не уезжали. Не умирали на окраинах. Они остались в шкафах, в коридоре, слышались в шорохах, скрипах паркета, потому что это было «жилое» место. Может, и он, кто писал это Послание, жил в этом доме когда-то. Или был кем-то очень важным для одной из старушек? Но зачем запихивать в шкаф, под лампочки, а не взять с собой на окраину? Или его из лагеря привезла тетя Маша? Или тетя Клава, тоже из лагеря – нашла, что осталось от

какого-нибудь человека? Или Сара Соломоновна – мудро решила оставить нам? А, может, это послание самого дома?

У камина я и прочитала его друзьям в один из вечеров. Мы смотрели на огонь. Скрипели половицы. Доносился шорох из коридора... Кто-то где-то бродил. А у кого-то из нас в этот момент что-то рождалось в голове...

А еще был Ебеныч. Когда мы уезжали из этого дома в другой, оставили его в одной из комнат, вместе со следом от старого шкафа на обоях.

Я никогда не прощу себе этого предательства. Он был очень большой и тяжелый, как человек. В последний грузовик, набитый вещами, не влезался, как и многое другое, что пришлось оставить.

Потом оказалось – самое ценное. Это все остальное было чепуха. Но никак не кукла, сделанная мной из всего того, что находилось в шкафах и на чердаке дома.

А еще мы справляли новый год на чердаке, а некоторые – в ванной...

А еще ...

Предисловие Кчитателям XX века...

Беспокойствие во всем мире существует
Памошника дому нет.....
Родительское почтение вечно погибло...
Братолюбие сердечное спряталось...
Справедливость не ищет дороги...
Грех умер. Правда згарила...
Благодать На небо взашла...
Любовь бална лежит...
Милосердие под арестом сидит...
Вера паложена пад спуд...
Кредит безмерно дурачится...
Совесть на гвоздики висит.....

Предисловие Кчитателям XX века...

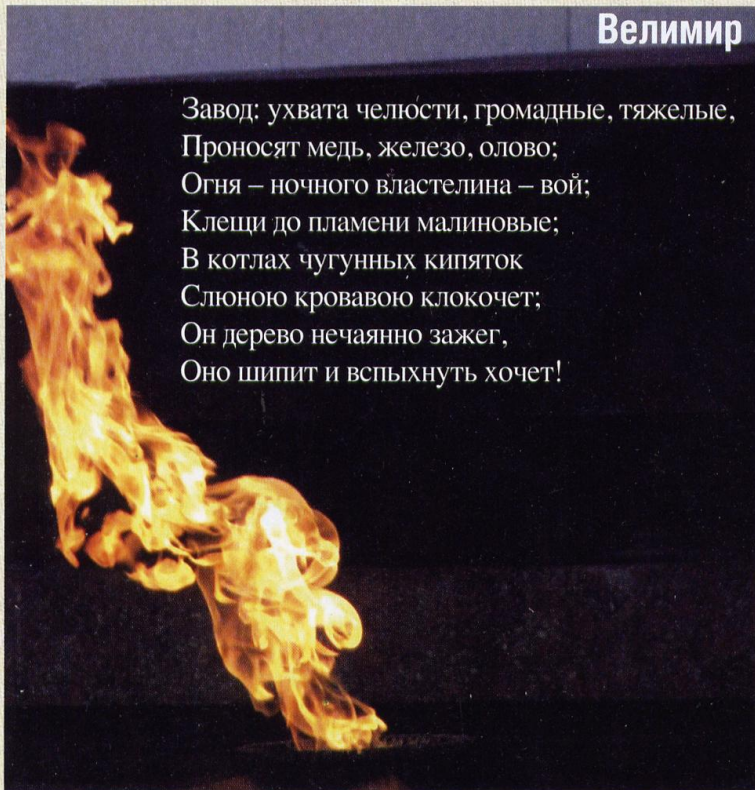
Беспокойствие во всем мире существует
Памошника дому нет
Родительское почтение вечно погибло
Братолюбие сердечное спряталось
Справедливость не ищет дороги
Грех умер. Правда згарила
Благодать На небо взашла
Любовь бална лежит
Милосердие под арестом сидит
Вера паложена пад спуд
Кредит безмерно дурачится
Совесть на гвоздики висит

Стих старости

Незаметна как праходит, Как васне
был маладой, вот Истарость уж пат
ходит, весь Как лунь я стал седой...
Потимнели ясныя очи, сквозь очки
Насвет гляжу, Ихадить уж нету мочи
пригарюнивши сижу. Изнасились маи
силы, Ивеселья ничют нет. Повсечасно
жду магины, Ипращай тогда мой свет
Вы пращайте маи дети, все пажи
тки итруды, все прекрасная На свете
Изиленья сады. Все пажитки нажи
тыя, я Тамуба подарил, ктоба...
Время Маладой Мне назадба возвратил
Но увы Как нивазможна, возвратит
лета Назад, Мне даждатся смерти..
тошна инизнаю Как сказать, Только
вижу утешение, Когда господу малюсь..
чтобы прастил мне согрешение, упаду всле
зах заляюсь Чтобы Избавил вечныя муки
Ипоместил мине в раю.....

Стих старости

Незаметна как праходит, Как васне
был маладой, вот Истарость уж пат
ходит, весь Как лунь я стал седой...
Потимнели ясныя очи, сквозь очки
Насвет гляжу, Ихадить уж нету мочи
пригарюнивши сижу. Изнасились маи
силы, Ивеселья ничют нет. Повсечасно
жду магины, Ипращай тогда мой свет
Вы пращайте маи дети, все пажи
тки итруды, все прекрасная На свете
Изиленья сады. Все пажитки нажи
тыя, я Тамуба подарил, ктоба...
Время Маладой Мне назадба возвратил
Но увы Как нивазможна, возвратит
лета Назад, Мне даждатся смерти..
тошна инизнаю Как сказать, Только
вижу утешение, Когда господу малюсь..
чтобы прастил мне согрешение, упаду всле
зах заляюсь Чтобы Избавил вечныя муки
Ипоместил мине в раю.....

Завод: ухвата челюсти, громадные, тяжелые,
Пронесут медь, железо, олово;
Огня – ночного властелина – вой;
Клеши до пламени малиновые;
В котлах чугуновых кипят
Слюною кровавою клокочет;
Он дерево нечаянно зажег,
Оно шипит и вспыхнуть хочет!

Ухват руду хватает мнями
И мчится, увлекаемый ремнями.
И, неуклюжей сельской панны,
Громадной тушей великана
Руда уселась с края чана,
Чугун глотая из стакана!
Где печка с сумраком боролась,
Я слышал голос – ржаной, как колос:
«Ты не куй меня, мати,
К каменной палате! Ты прикуй меня, мати,
К девич[ь]ей кровати!»
Он пел по-сельскому у горна,
Где все – рубаха даже – черно.
Зловещий молот пел набат,
Руда снует вперед-назад!
Всегда горбата, в черной гриве,
Плеснув огнем, чтоб быть красивой.

1921

Денис Колчин

Екатеринбург

*

Древние говорили: после больших сражений бывают продолжительные дожди,
когда умирают, потерявшие зрение, боевые носороги,
когда ветеранам снятся странные сны, в которых они, изрубив многих,
разрушают огромные города, являясь участниками некой новой вражды.

При этом, какие времена, территории, кто противник – не понятно.

Боевые слоны идут впереди сезонной воды...

Вообще, чувства обострены – слышен каждый мотив, каждый воздушный поклон осязаем.

Так летят друг за другом дни в течение ночи...

А потом сквозняки помогают очнуться.

*

Пишется «в Екатеринбурге», слышится «вьекатеринбурге».
Я продолжаю: «вье» – «Вьетнам», «Вьетминь», «Вьетконг»...
«конг» это почти «Конго» (сломан второй слог).
«онго» напомнило «Анголу», «гол» – «Голани»,
«Голаны»... «Гурки!»

В общем,
с помощью созвучных слогов, а также полуслогов, понятно:
город имеет два или три потайных
уровня, на которых – словари войны.
Туда попадешь, и уже никогда не захочешь обратно.

Фотографии Елены Кацубы.

Ольга Адрова
ДООС – рок-стрекоза

Яхты

Любовь к тебе –
как палуба под ногами.
Страсть – это шторм,
срывающий нас за борт, –
Ну и что, ну и что? –
Когда я гляжу на тебя,
моя луна – мой вечный смысл,
мое второе Я –
яхты, яхты, ах, эти яхты, яхты.
Какая здесь разница,
что о нас думают люди,
какая здесь разница,
что о нас думают люди.
Яхты, яхты,
ах, эти яхты, яхты...
Любовь к тебе –
как палуба под ногами,
любовь к тебе –
как палуба под ногами.
Отдыхают паруса– штиль, –
то ясный день,
то ясный вечер:
тогда я смотрю на тебя,
моя луна:
мой вечный смысл,
мое второе Я –
утешь меня, утешь меня,
как эти яхты, яхты.
как эти яхты, яхты...

ВЕТЕР

(по мотивам Поля Элюара)

Ты – туман, в котором мир пропадает
И появляется преображенный:
Там белый жемчуг – сон,
Черный жемчуг – страсть,
Розовый – счастье:
Целовать тебя,
Умереть с тобой,
Уснуть с тобой.

Там зелень без цветов,
Синь без моря,
Океан без имени.
Бери меня в новое путешествие,
В тень ветра в тишине, –
Без надежд, без обещаний.

«Ко мне слетайтесь, музы,
Роем радостным!
Это – влага,
Это – суша,
Это – сын текучих вод и суши,
Я по ним ступаю,
Брат богам!

Вы чисты, словно сердце влаги,
Вы чисты, как руда земная,
Вы со мною, и парю я
И над влагой, и над сушей,
Брат богам!»

И.-В.Гете
«Песнь странника в бурю»
1771-1772

Фотография Елены Кацубы.

Виктор Клыков
ДООС – австрозавр
Вена, Австрия

Остров

Я выделился как остров
в океане жизни земной
и вот уже никто не приходит
поговорить со мной

Я остров
и только холодное серое небо
одно надо мной

Я остров
и безразличные волны жизни
глухо шумят подо мной

Я остров
между небом и землёй
между было и будет...
Что же будет со мной?

* * *

Парение чайки над морем
Не может сравниться ни с чем.
Лишь с волнами моря – изгибами крыльев
И опереньем – с их белою пеной
Спорит летящий её силуэт.

от одного и до конца б

другое а можно было бы поставить в п

Все и собрать в р

НО Н ДУМАЕТ, ЧТО О ПОД НОГАМИ К

К ПОД НОГАМИ И...

Рисунок Светы Литвак

[illegible]

в старину лихая вольница
по врагам металла молоты
обнимая волчью голову
пела голая девчонка
ошалевшая от голоду
рамш-м, рамш-мм, рамш – ммм!
ш-ш-ш-ш – шmmm – ареМ!!!

келяна короббата тащила не пушчала
маньяско в маске, недяку в драку
стой тебе! смотри мне! как дам вам!
толоррабатонна-а-ара! рободжазавалья-а-аза!!

сам наш старш Гавр, сын наш сам старш
но ты сам Гавр, ты сам сын наш
спроси, как я сам отыскал
тебя средь скал, пока ты спал
Гавр спал устал, Семён сказал
наш Гавр упал у самых скал
тут спал уставш сам сын наш старш
как вдруг ему стал тут так страш
так, ни с чего, ну, ты сам знашь
и началось, и мне не жаль
с тех самых пор, ну, эта блажь
да сам ты врёшь, ну, вру, а что ж

Насир Хосров

XI век

О разуме и просвещении

То, что скрыто от наших телесных очей,
Открывается ясному взору ума.
Разум — яхонт, а сердце живое — руда,
Рудником же душа да послужит сама.

Спор с Богом (фрагмент)

Ты, о Боже, в малом теле муравья
Смог вселенную громадную замкнуть —
Между тем не увеличил муравья,
Не уменьшил и вселенную ничуть...

По природе я — железная руда:
Содержать в себе алмазы не могу.
Сотни раз меня в горниле переплавь,
Я все тот же, пред которым Ты в долгу.

Зло даешь и получаешь плату злом —
Чем Ты лучше в этом случае меня?
Пусть я плох — но я Тобою сотворен...
А не нравлюсь — так не делал бы меня!

ЗАЧЕМ

Произведение неизвестного художника.
Фотография Елены Кацубы специально для ПО.

Евгений Степанов

*кандидат филологических наук
друг ДООСа*

ЭТО ДЕЛО ГРУСТНОЕ

Эрзац

эрзац-страна

эрзац-президент

эрзац-демократия

эрзац-социализм

эрзац-капитализм

эрзац-воздух

эрзац-вода

эрзац-еда

эрзац-медицина

эрзац-культура

эрзац-образование

такие красивые женщины

* * *

Н. Д.

нетути призвания
скажем напрямки
а хотят признания
эти дураки

а хотят печататься
а хотят наград
как тут не печалиться
как не бить в набат

это дело грустное
пишет каждый псих
это дело гнусное —
сам я из таких

24.10.2011
Замоскворечье

16.11.2011
Замоскворечье

Русские

русские похожи на немцев
русские похожи на евреев
русские похожи на татар
русские похожи на японцев
русские похожи на индусов
русские похожи на негров
русские похожи на марсиан

а может быть и не похожи

немцы похожи на русских
евреи похожи на русских
татары похожи на русских
японцы похожи на русских
индусы похожи на русских
негры похожи на русских
марсиане похожи на русских

а может быть и не похожи

11.09.2011 Замоскворечье

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус
(Париж, Франция).

Валерия Нарбикова
ДООС

...И ПУТЕШЕСТВИЕ

Роман. Начало в № 23 – 32

Глава 5

Похоже, рождение это приключение, и тоже... и жизнь – это путешествие, и тоже... и только непонятно – точка отправления – откуда, и тоже... непонятно – место назначения – куда.

А так все понятно: режим дня, и автомобиль – это состояние человека, и завтрак – это начало, а если с вечера – это уж конец. Жизнь – это, конечно, путешествие, а рождение – приключение, которое бывает в жизни один раз. А смерть – это, похоже, состояние: то, что человек умер, или помер, и ушел в мир иной. Стихи — это тоже игра.

Резкий голос.

Резкий ветер.

Резкая перемена погоды.

Резко поменять жизнь.

Около трех дней Сереже удавалось врать.

В первый день, когда Александр Сергеевич позвонил утром из Москвы, Сережа сказал, что Киса еще спит. Киса позвонила Александру Сергеевичу от господина Ив и сказала, что у нее все в порядке, и заботливо спросила, как он доехал. Он доехал хорошо. Как чувствует себя Таня, не жмет ли ей ошейник. Ошейник не жмет. «Я тебе буду звонить сама», – сказала Киса.

Через два дня Александр Сергеевич позвонил вечером, и Сережа сказал, что Киса вышла прогуляться. Что было уже настоящее вранье. Ее не было дома уже три дня.

Резкий взгляд.

Резкий поворот.

Когда через три дня она заявила к Сереже, он говорил с ней довольно резко.

– если ты ушла от мужа, скажи ему об этом сама.

Киса обняла Сережу и погладила его по голове.

– какой ты милый, – сказала.

– я больше не собираюсь врать, – сказал.

Резкая походка.

Резко зазвонил телефон.

– алле, – сказала Киса, – это ты!

Это был он, Александр Сергеевич.

Она щебетала. Как она рада. Да какая погода в Москве. Даже спросила, что он ест. И даже сказала, что скучает...

Поговорили...

– ты что, влюбилась? – сказал Сережа после того, как Киса с Александром Сергеевичем поговорила, – что ты в нем нашла?

Вот, например, человек. Он состоит из речи, сознания, ума.

Резкий ум.

Из внешности.

Возраста.

И сердца.

Бывает взгляд.

Резкий взгляд.

И люди, которых Киса знала раньше, какими-то своими чертами повторяли друг друга, даже иногда становилось не по себе, что поворот головы одного человека абсолютно похож на поворот головы другого человека. Как будто поворот – вещь самостоятельная. Находится прямо в воздухе. Прямо между туловищем и головой.

Резкий поворот головы.

Господин Ив отличался от остальных людей тем, что у него с ними не было никакого сходства. От этого открытия Киса даже растерялась вначале. Как будто она и не жила до этого. То есть, как будто у нее не было никакого опыта. Оказывается, когда люди хоть чем-то похожи друг на друга, это хорошо. Они, конечно, отличаются, но они и напоминают.

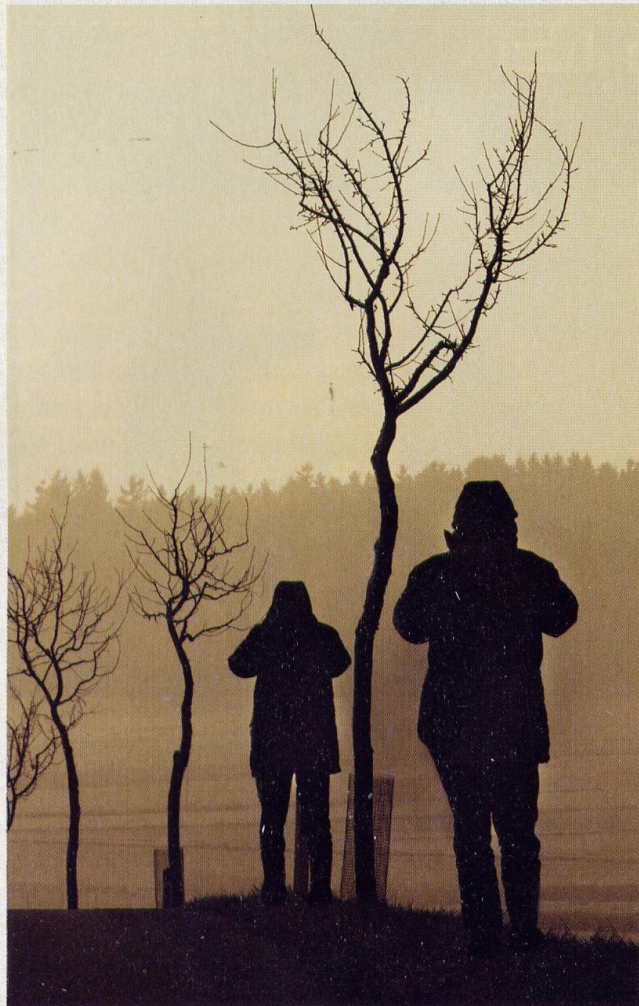
Резкое отличие.

Но в господине Ив ничто не напоминало людей, которых она видела раньше.

Ничем он не был похож ни на одного из них. Как будто он был сделан из этого ничто.

Он был настолько сделан из самого себя, что даже трудно объяснить из чего. «Глупости», – сказал бы Сережа. Но это были не глупости.

Она именно не знала, как обращаться с господином Ив, потому что отсутствовал опыт. Потому что опыт, оказывается, это такая странная вещь,

когда можно что-то с чем-то сравнить.

Кто-то шляпу не так надел. Опыт. Не так сказал. Опытным путем. А этот то же самое сказал. Похоже. Похоже сел. Похоже встал. Похоже — не похоже.

Резкое движение. Встали.

Оставшись у господина Ив той ночью, когда Александр Сергеевич уехал, и после бессонной ночи, потому что некогда было спать, потому что они обнимались всю ночь, утром Киса заснула с затычками в ушах, чтобы не слышать как ходит господин Ив, с черной повязкой на глазах, чтобы дневной свет не бил в глаза, и с жвачкой во рту. Не было ничего видно, слышно, не было вкуса во рту, кроме вкуса ментола. Это не было сном, когда она поняла, что он ее та-та-та. Вообще-то, здесь полагается слово, обозначающее действие, которое с тобой совершают помимо тебя, потому что страшно присутствовать при этом действии, потому что оно так хрупко, что может быть разрушено в каждый миг. Но такого слова, обозначающего такое действие, нет. И когда она поняла, что он ее та-та-та, это не было сном, с яркими картинками,

живыми людьми, движущимися предметами.

Но это была и не действительность: отсутствовал свет, звук, вкус. Это было такое острое ощущение того, как все было вначале, когда еще не было женщин и мужчин, когда еще человек не распался на Адама и Еву, а был человеком с такой инсталляцией, с таким объектом внутри, вставленным внутрь. Даже было страшно пошевелиться.

— что ты молчишь? — сказал Сережа.

Он уже почти кончался, дождь, а когда они вышли, он пошел все сильней. Потом он разошелся. И он уже шел везде. Он шел в воздухе. По земле, над землей, даже не было видно неба из-за того, что он шел. И он, это был он, дождь, это из-за него они не могли гулять. Он был с ветром, а ветер был с дождем. А они были просто промокшими людьми под дождем. Не совсем людьми. Потому что люди под дождем ходят под зонтом. Не взяли. Кто такие люди под дождем? Хорошо наблюдать дождь из окна: поезда, такси, квартиры, сортира на даче; в открытом бассейне хорошо смотрится дождь. Можно спрятаться. Они спрятались в ресторанчике, в который они ходили прятаться даже в хорошую погоду.

Лучше всего грибной дождь. Грибы бывают только летом. И лучше всего растут под дождем. У этих грибов растут ноги, и они убегают из леса, превращаясь в человека с корзинкой. Они друг друга стоят. Гриб. Корзинка. И человек.

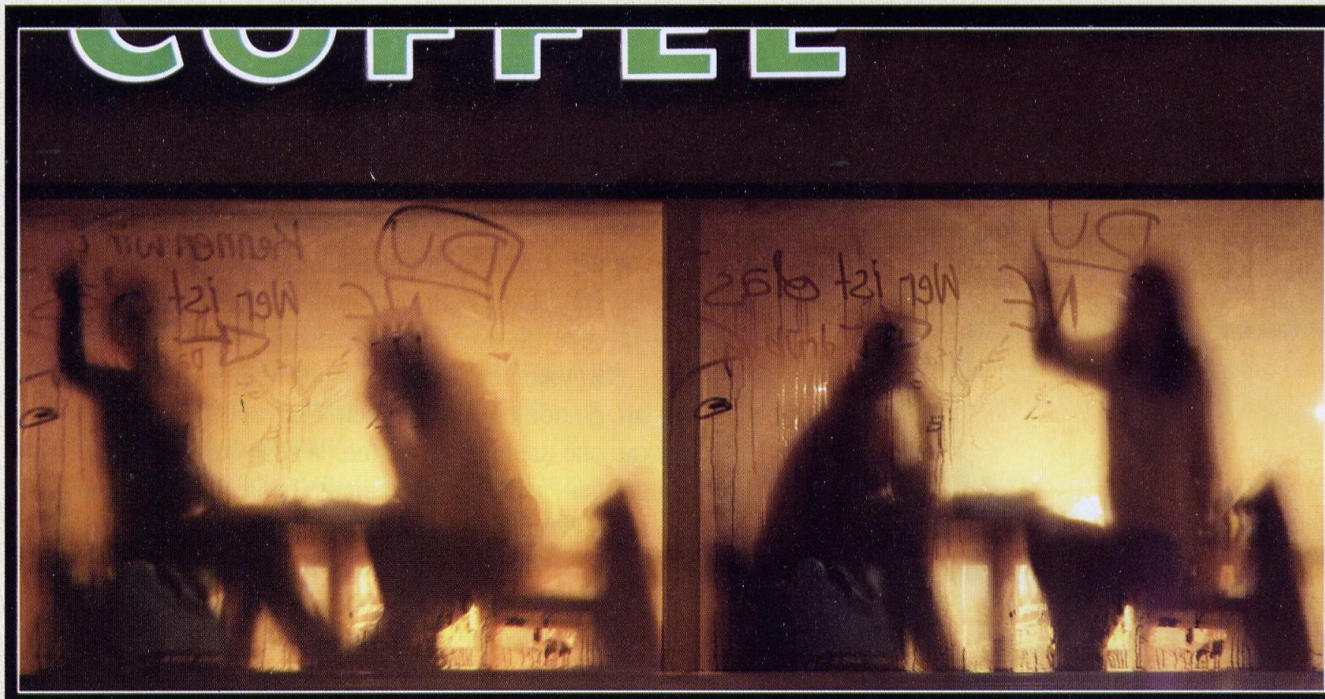
О Китае Сережа совсем не думал, пока не оказывался в китайском ресторанчике вне России. Великая Китайская стена. Китайский фарфор. Он даже не помнил китайские ручки и полотенца. Все такое маленькое, такое китайское, такое пряное, на фоне такого большого, такого европейского, такого пресного. Рыбки в аквариуме с обвисшими животами в диоптрических очках тыкались в стекло, очки разбивались, рыбки сваливали на запад, они были в одних лифчиках под шубами, эти рыбки, они стоили недешево, у них был счет в банке, потом, выйдя из аквариума, они покупали себе маленький аквариум в пригороде, выбирали мужа, даже имели детей. И становились золотыми женами эти золотые рыбки.

— Не желаете ли цветы?

Что значит занюханные цветы? как будто их кто-то уже нюхал? цветы без аромата? ароматизированные цветы?

Киса не пожелала. Сережа не настаивал.

Риса было даже не чашечка риса. Это была рисовая гора, которую невозможно было съесть.

Фотокомпозиция Александра Лысенко (Вена, Австрия).

Даже невозможно было ее разрушить.

Почему-то так получалось, что все романы Кисы, то есть все герои ее романов, то есть все ее (употребим легкомысленное слово от слова любовь) любовники, почему-то писали стихи. Все до одного. Даже ее любимый. Даже друг любимого. Даже эта Чернобыльская АЭС (черно было, не подводит слово) писали стихи. И жених писал стихи. И Александр Сергеевич. Конечно, хуже, чем Пушкин. Но если, например, перевести Александра Сергеевича на французский или английский и Пушкина перевести, то в переводе они будут одинаковые. Пустое дело – перевод.

Но ведь есть и другие люди. Которые не пишут стихи. Ходят и не пишут. На работе сидят и не пишут. Влюбляются и не пишут. И перед смертью не пишут. Какие-то они странные, эти люди. А может, их вообще нет. Может, есть только те, которые пишут стихи. А все остальные – это мираж. Это плод воображения поэта. Их вообще нет, этих людей. Они нужны для рифмы. Для фона. Для настроения. Или совсем не нужны.

Из шума, капель, крестиков, градусов, облаков и комаров состоит видимость. А есть такие люди, которые не видят погоду, пейзаж, розу, видят только мертвую натуру, натюрморт. Птица, но в клетке, почти мертвая. Она игрушка для людей. Люди любят игрушки. Спортивные игры. Военные игры. Любовные игры. Азартные игры: карты, рулетка. И жмурки. Самая увлекательная игра. Даже и Гумилев в нее играл с гимназистками, даже Наполеон

играл в войну с англичанами, немцами, поляками. С русскими играл. Но у Наполеона выиграла зима: снег, мороз и чистое поле. И в этом чистом поле на морозе под снегом – русский мужик в тулупе. Он и есть представитель зимы. Его трудно обыграть. Он закаленный. Он не как француз под зонтом в кафе. Он в сапогах. Он прожженный. Он с детства в сапогах. Как только родился сразу раз – и в сапоги. И тулупчик на нем. И котелок при нем. И за пазухой кое-что: сердце – раз, и еще одно, которое согревает на морозе в чистом поле, во фляжке бьется сердце, в нем сорок градусов, в этом сердце, оно крепкое, оно так разгонит кровь, что ее и Бонапарт не остановит. Да ее никто не остановит, эту кровь. Внутри человека. Он замкнутая система, человек. А если бы его разомкнуть, сделать из него хоть кривую линию, то это сердце, которое гоняет кровь по этой кривой линии, угнало бы ее прямо, эту кровь, прямо к самым облакам.

А Сережа не писал стихи. Он их не читал. Не знал наизусть. Он их не любил. Он даже не мог отличить хорошее стихотворение от плохого. Иногда Киса читала ему свои стихи. Редко. Но даже в эти редкие минуты, когда он делал вид, что слушает ее, чтобы ее не обижать, он старался не слышать эти стихи и думал о чем-нибудь совсем постороннем.

Господин Ив собирался строить дом, а Сережа делал чертеж. И этот дом для господина Ив был в чистом виде блажью. А чертеж для Сережи был работой. Киса прочитала свое стихотворение уже на улице после рестораника. И последние строчки

Сережа все же слышал: «стихи, стихи, стихи». Хотя про что сами стихи — было ему не понятно.

Даже хороший поэт бывает плохим человеком: эгоистом, пьяницей, плохим семьянином, и бывает смертным. Вот, Пушкин, например, великий поэт, а его убили. Просто застрелили в живот. Вот, например, Верлен. Тоже не пример. Писал, спился и умер. Тургенев умер без семьи. Блок жил... жил... и неизвестно отчего умер. А Бодлер всю жизнь так последовательно убивал в себе счастье и так последовательно культивировал несчастье, что умер совершенно несчастным человеком, добился своего. И Лев Толстой добился своего — сбежал. Вот перед смертью раз — и его нет, раз — а смерть тут как тут. Вот поэт... Спрашивается, если его не интересует ничего кроме стихов, то стихи, они должны быть хорошими, очень хорошими, или просто классикой.

Господин Ив позвонил почти сразу, как только Сережа с Кисой вернулись домой. Он сказал: «в это же время года, которое сейчас, тебе следует немедленно быть со мной». Киса его не поняла. Он сказал: «эта ночь должна быть вместе абсолютно. Это мои слова в конце». Киса так и не поняла, что он хочет сказать, но по голосу понимала, что он страшно сердит. К телефону подошел Курт и спокойно объяснил по-русски, что господин Ив очень волновался, он не знал, где весь вечер была Киса. Киса объяснила, что она ужинала с братом, хотя считала, что это объяснение излишнее. Курт сказал, что сейчас он заедет за ней, что господин Ив настойчиво ее об этом просит.

Ничего себе. Такой настойчивости она не ожидала.

«да кто он такой»

«да с какой стати»

«да что за тон»

«Он возмущен, — сказал Курт, — что целый вечер прошел без него».

«что он по-русски не понимает, что я ужинала с братом».

«по-русски он не понимает», — сказал Курт.

И тогда она сказала, что приедет по одной единственной причине.

История о том, почему Киса приехала

Уже давно она в себе ощутила этот дух — дух противоречия. И как его изгнать из себя, как с ним бороться, чтобы он окончательно не поработил ее. Чтобы она осталась жива. Чтобы выжила. Этот

дух противоречия, поселившийся в ней, заставлял ее совершать поступки, противоречащие логике, счастью и просто здравому смыслу.

Он жил в ней, этот дух, иногда замирая, но иногда он оживал внезапно и сосал сердце, и терзал душу, этот дух, только чтобы она удовлетворила его. И когда он высасывал сердце и изматывал душу, у нее уже не было ни сердца, ни души, а только дух противоречия оставался в ней.

Вот что это был за дух, вот что он велел: из-за него хотелось приехать, когда говорили: «не приезжай»; хотелось сбежать, когда просили: «останься»; хотелось плюнуть, когда просили помочь; хотелось бежать на помощь, когда на тебя плюют. Хотелось любить, когда не было любимого. Хотелось бросить любимого, когда он был рядом.

Он лишал покоя и воли, этот дух, он требовал подчиниться его варварской силе, он был дикий по силе и сильный до дикости. Иногда казалось, что побороть его невозможно.

И Александр Сергеевич знал об этом духе противоречия. И он смирился с ним. Он знал, как он отравляет ее душу. И когда Александр Сергеевич просил Кису не ехать куда-нибудь, а она нарочно уезжала, он знал, что это не она сама, а дух противоречия гонит ее из дома, иногда Александр Сергеевич боролся с этим духом хитростью. Он просил Кису о чем-нибудь прямо противоположном. И фантастика! она делала прямо противоположное тому, о чем он ее просил. «Улетай на луну!» И она оставалась дома. Но. потом этот дух противоречия разгадал хитрости Александра Сергеевича, и они, эти хитрости, уже не действовали.

Этому духу противоречия нужно было абсолютное подчинение. Искреннее и совершенное. Его не устраивала игра. Только игра на жизнь и на смерть.

И даже больше Александра Сергеевича страдал любимый Кисы. Этот дух противоречия избрал его как жертву. Этот дух заставлял Кису обманывать любимого, когда он ей верил. Он заставлял ее верить любимому, когда тот откровенно врал. Он заставлял ее веселиться с любимым, когда у того было горе. Из-за этого духа Киса становилась мрачнее тучи, когда ее любимый был счастлив с ней.

История пятая. «Дон Жуан»

И всего-то единственным мужчиной Кисы был, правда, недолго, такой, прямо никакой Жорж. Этот Жорж почти год абсолютно удовлетворял духа

противоречия своим полным подчинением ему. Жорж хотел так, дух хотел наоборот, Киса и делала наоборот, а Жоржу и так хорошо, как Киса ни сделает, так и хорошо. Так или не так. Прямо. Вверх ногами. Вдоль и поперек. Или никак.

Они познакомились с Кисой у общих знакомых. Сначала он ей даже и не понравился, этот Жорж. Он был не один, с ним была вполне приличная дама в очках, явно не соперница. Пожалуй, он даже был красив. Такая у него была красота, которая быстро забывается. Он шутил. А иногда зло шутил.

Ухаживая сразу за несколькими девушками, он отдавал предпочтение своей даме. В этот вечер Киса была в очень веселом, даже шаловливом настроении. «Дон Жуан», — сначала подумала Киса про Жоржа. А потом подумала: «дон-жуанистый молодой человек».

Ему стукнуло ровно двадцать пять лет в год смерти Андропова. Он отмечал свои годы андроповкой, водкой, самой дешевой и скверной. И вот что еще удивило Кису — Жорж жил с мамой. К двадцати пяти годам он уже был трижды женат. Поженится — разведется — и опять к маме. Нет, он не был маменькиным сыночком, он влюблялся в женщин. А потом это чувство притуплялось. И эта женщина начинала его раздражать. И он ее бросал. И возвращался к маме. Маму он обожал.

И сначала Жорж подумал, что Киса в него влюбилась. Это после той вечеринки у знакомых. Гости развлекались танцем — с ножницами и писчей бумагой. В этом только что придуманном изобретении партнер с ножницами должен был как можно больше нанести на писчую бумагу партнерши нарезов. Довольно двусмысленный танец.

Особенно в этом танце преуспевала дама Жоржа. Она подставляла свою бумажку то одному, то другому партнеру. А Жорж пригласил Кису так просто, без ножниц, а она была так просто, без бумажки. Он пригласил, и она согласилась.

Потом она согласилась выпить с ним вино, без ножниц. Потом она согласилась, чтобы он проводил ее, без бумажки. Она согласилась, и он подумал: «началось». Но ничего не началось.

Он настаивал, а дух противоречия настаивал на своем. Это длилось недели две. А потом Жорж пригласил Кису на день рождения, где Киса не знала ни одного человека. Это была совсем другая компания, другой круг. И Жорж совершенно изменил тактику. Он обращался с Кисой по-дружески, даже с некоторым преувеличенным почтением.

Скорее, как поклонник с поэтом, а не как поклонник с женщиной, из всей этой компании только Киса писала стихи. Жорж тоже чуть-чуть писал, но не как поэт, а как поэт-инженер. Он даже был известен в своем маленьком инженерном кружке, где кроме него никто не писал.

«господин Жорж, вы поэт?»

— «я — инженер».

«господин Казанова, вы инженер-гидравлик?» — Казанова опустил голову, не отвечая ни да, ни нет.

В эту ночь он ее в рот. Нет, это дух противоречия ее в рот. Это было в субботу.

Но это было не в субботу в Париже, когда на улице никого нет, тем более в маленьком магазинчике, где совсем никого нет, вообще нет людей, как будто он даже не для людей, этот магазин. Покупатель-товар-деньги. Вот покупатель как раз отсутствовал. Шли только товар и деньги.

И в Париже лучше парижский климат. А в России лучше русские люди. Русские люди даже лучше парижского климата. Русской зимой, когда людей нет.

А в ту ночь была суббота, за которой было воскресенье. А за воскресеньем понедельник. А потом рабочая неделя. А потом день рабочей коммуны. Потом опять новый год. И в новом году Жоржу исполнилось двадцать шесть. То есть с тех пор прошел год. Пролетел. И с этим Жоржем Киса виделась только тогда, когда ни Александр Сергеевич, ни любимый, а только дух противоречия хотел ее в рот. И этот дух противоречия каждый раз ее в рот, когда она виделась с Жоржем.

А расстались они с Жоржем очень просто. Киса даже сказала: «Я тебе обязательно позвоню. Завтра позвоню». И не позвонила той зимой. А потом той весной. А потом позвонила следующей зимой: «с новым годом! с новым счастьем!» Он по-прежнему жил с мамой. «С днем рождения», «С новым годом», «Завтра увидимся». Так они больше и не увиделись, до свидания. С первым апреля. Все вранье.

Господин Ив привез Кису к себе. То есть она была привезена Куртом. Ей, привезенной, было не по себе. Она, привезенная, была посажена им за стол, и она была обвиняема им в том: что он поверил в то, что она сказала ему раньше — в то, что она его любит, а она... и три ночи подряд в постели он любил ее, а она... он открыл ей душу, а она, и его сердце болит, потому что она... и зачем ей было врать, если он... с головой ушел три дня в любовь, а она...

Илья Кутик

профессор Северо-Западного университета
Чикаго, США

Танец живота

С лицом углублённым, как при бормотанье сур,
Или прокручивая варианты, словно перед амфитеатром
Циркачка – обруч вертящая, как свой хула-хуп – Сатурн,
А если четыре – уже как атом,

Ты прямо-таки на глазах опасной делаешься. В области, где сеппуку,
Электроны скользят по тебе, как по винту – резьба.
Ты – ядро всей драмы. Если ж тебя снять сбоку
Электрографом или играя выдержкой, мы увидим, что нимб у лба

Уже не на лоб навинчен
Вроде шайбы, а что для зияния ты мала
И вся полностью – внутри нимба... (...) так хула-хуп Да Винчи
Катится, сбоку выглядя плоским, как камбала.

В овале этом тебе, рукам и ногам, тесно...
(...) на другом же овале едет втянутый внутрь пупок,
Как на доске для серфинга... (...) а ещё два – поручился б Тесла –
Вращаются, как у пулемётчицы, крест–накрест и наискосок.

Ты отпреподавала в Чикаго миллионерше и гейше
Танец живота. Я же любил через арбуз прогонять кальян.
У всех, как кисею на коврике, видел лучики цвета Кейси,
Но обузу фантомную сфотографировал Кирлиан...

(...) ты отягощена отрицанием. Где ж
Твоя пресловутая положительность или хотя бы нейтральность? Ты
Вытолкнула из себя, как пули, и с усилием, как ёж,
Протоны с нейтронами и стряхнула их, как цветы...

(...) ты существуешь на пересечении аур... (...) но только дока
Клин орудовать клином, а цвет цветом, хамелеон
Хмелеет от вида Фудзи или Кодака,
Как зелёный, увидевший миллион....

(...) ты ж ни о что не окрашиваешься – пусть пачкаются, сколько угодно, панки.
Ты одинока... (...) так циркуль очерчивает себя ж.
Так игла, как балерина внутри безразмерной пачки,
Поворачивается в невесомости, выходя на другой вираж...

«Помогите – на ногах нетверда!
Затуманила меня кровь-руда!»

Марина Цветаева, 1920.

Анатолий Кудрявицкий

ДООС – прозостихозавр
Дублин, Ирландия

Олени смотрят на отступающие ледники

Возможно новые пастбища
возможно просто песок
поля песка
воображение
сливается с изображением
возможно новые возможности
сладкий мох
на камнях

несомненно
много грязи
после льда всегда грязь
дикари среди камней
стрелы копья
Эрос эрозии
города

м-да

и тает дымок
бесплатных обедов
и что нам делать
с новоназначенной свободой
хоть вой ветрами
на все четыре стороны...

все же лучше чем ледяные пустыни
и легенды о зеленых просторах

Обратная связь

На каждое второе письмо...
реки деревьев на бульваре
на каждый четвертый e-mail...
корабли домов
один из восьми друзей...
небо под ногами
один из шестнадцати знакомых...
камни над головой
один из тридцати двух встречных...
угасшее детство
одна из шестидесяти четырех девушек...
уснувшая юность
один из ста двадцати восьми голосов...
бездна бездны
слышит ли кто-нибудь?
бесконечность бесконечности

Бенедикт Лифшиц

Первое закатное рондо

Когда бесценная червонная руда
Уже разбросана по облачным Икариям,
И в них безумствует счастливая орда
Златоискателей, и алым бестиарием
Становится закат, для нас одних тогда
Восходит бледная вечерняя звезда,
И в синей комнате, расплывшейся
в аквариум,
Мы пробуждаемся... «Ты мне
расскажешь?» –

«Да...
Когда...
Но ты не слушаешь!» – «Ах, я ушла туда,
Где реет хоровод по дьявольским
розариям,
В лоцины Брокена...» – и к нежным
полушариям
(Сам Леонард на них оставил два следа)
Прижав мою ладонь, лепечешь без стыда:
«Когда?»

1909

Татьяна Зоммер

ДООС – Зоммерзавр

ДВОЙСТВЕННОСТЬ ОЧЕВИДНОГО

двойственность мира очевидна
перед моими глазами
вымирающий город Рудный
дом напротив твоего дома
тарачит пустые глазницы

ты сидишь на балконе
смотришь на опустевший дом
и видишь меня проезжающую в метро
день-за-днем
по-прежнему в ожидании чуда

я сажусь в кустанайский поезд
пересаживаюсь в маршрутку
ловлю рудненскую попутку
скрипя черепками памяти
и разрушенной черепицей
подхожу к знакомому
обшарпанному подъезду
прошедшего дома

задираю голову
ловлю кадр на уровне третьего этажа
ясно вижу одинокую
облезлую табуретку на старом
домотканом половичке
балконное гнездо опустело
ты больше не ждешь
считая как кукушка в часах
наши часы
я опоздала войти
в твоё время
чужое время подкидывает
долгожданный телефон
просьба позвонить зависает
в пространстве
я не звоню в твою дверь
ты больше не веришь
в чудо...

Фотография Елены Кацубы.

Хендрик Джексон
Берлин, Германия

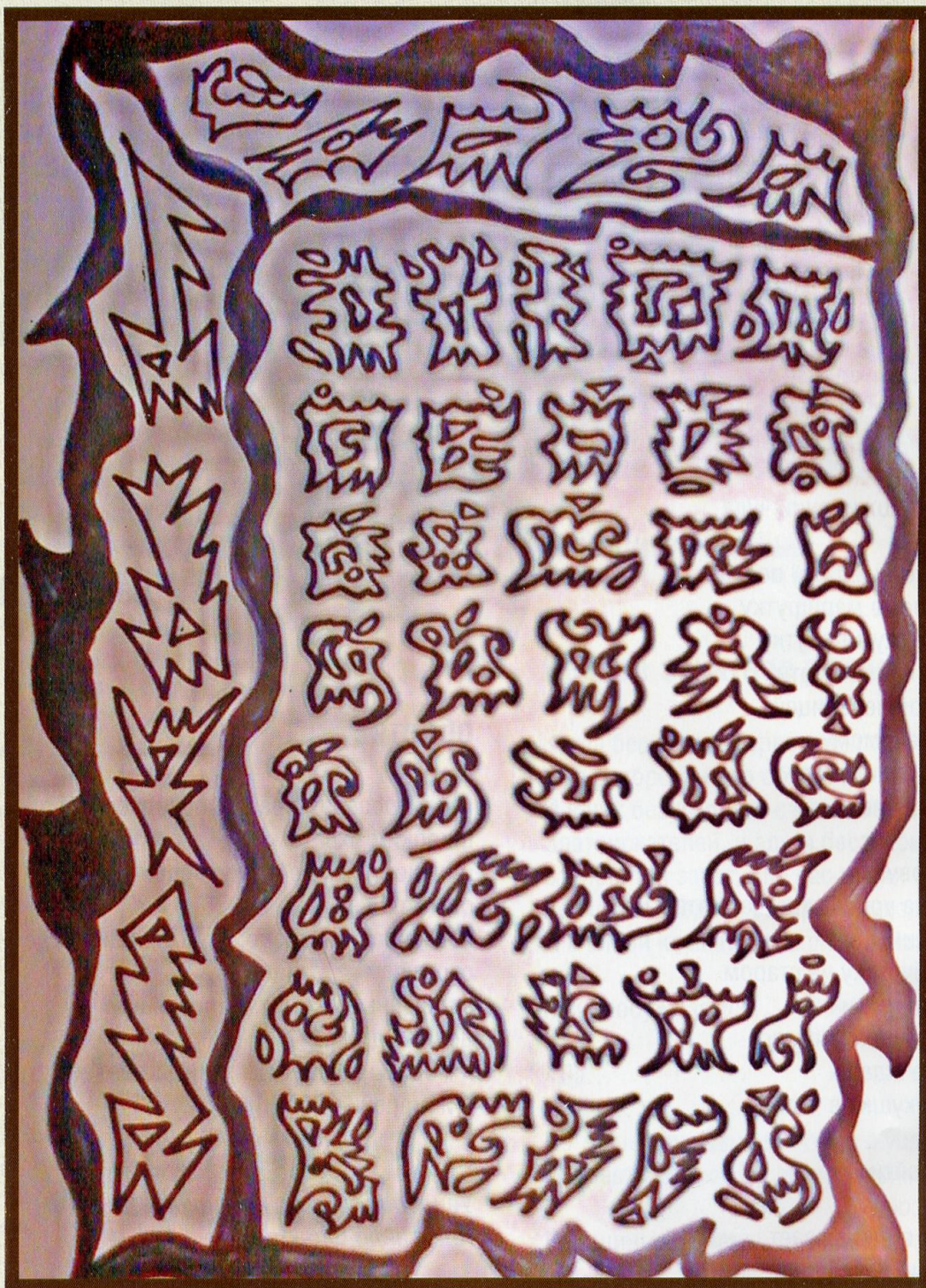
объятие

как в последний раз в последнем объятии
широким охватом
и нашептывание сбоку: ведь я хотел
стать тенью.
наслаиваются следом проходящие видения, тонкие
отрезки
крошечные ламели, наложенные
друг на друга,
я моргаю, вижу то, что вырастает
в измерение смерти

*Увидел по-русски немецкое измерение
Александр Филюта*

*«В дырах небоскребов, где горела руда
и железо поездов громоздило лаз –
крикнул аэроплан и упал туда,
где у раненого солнца вытекал глаз».*

Владимир Маяковский «Адище города» 1913

Скалы бывают особенно влюблены в прибой, когда он более иззубривает их уверенность в невзреземости снов выбросившихся на берег штилей. Если глубоко-винные течения хмелеют от отмельных протрезвлённостей, щепки фрегатов, пытавшихся приручить иронию кораллов, вживляются в крылья мурен и прорастают непередаваемыми импульсами скроенного из непроизносителя платья пернатой раковины. И тогда акулыбающиеся случайности сменяют свою воображадность на исчезновение шторма. И тогда иссохшие лагуны, забыв языки подводных вулканов, начинают слагать рифо-рифмы на диалектах окон непостроенных замков с акцентом эха замочных скважин, расплавленных утерянностью их ключей. И тогда пергамент сумеречий становится скатертью для непредсказавтрака камней преткновечности,,,

Анатолий Жигулин

(1930-2000)

Мне помнится
Рудник Бутугычаг
И горе
У товарищей в очах.

Скупая радость,
Щедрая беда
И голубая
Звонкая руда.

Я помню тех,
Кто навсегда зачах
В долине,
Где рудник Бутугычаг.

И вот узнал я
Нынче из газет,
Что там давно
Ни зон, ни вышек нет.

Что по хребту
До самой высоты
Растут большие
Белые цветы...

Анатолий Жигулин, 1954 г.

О, самородки
Незабытых дней
В пустых отвалах
Памяти моей!

Я вас ищу,
Я вновь спешу туда,
Где голубая
Пыльная руда.

Привет тебе,
Заброшенный рудник,
Что к серой сопке
В тишине приник!

Я помню твой
Густой неровный гул.
Ты жизнь мою тогда
Перевернул.

Привет тебе,
Судьбы моей рычаг,
Урановый рудник
Бутугычаг!

1964

Уран – ледяной гигант – седьмая
по удаленности от Солнца планета

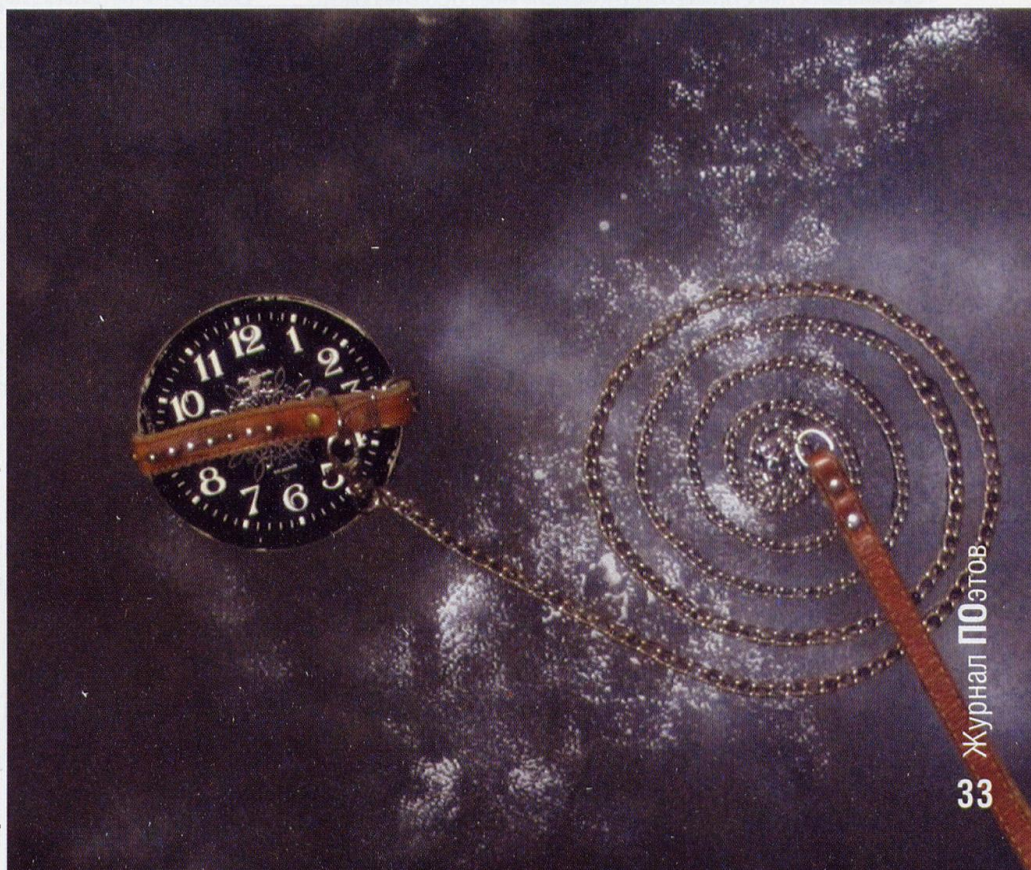
Бутугычаг в переводе – долина смерти. В феврале 1948 года на руднике «Бутугычаг» организовали лаготделение № 4 особого лагеря № 5 – Берлага («Берегового лагеря»). Тогда же здесь начали добывать урановую руду. Всего в лагере погибло 330000 заключенных.

Маргарита Аль

ДООС – стрекозАль

Тень от предметов
мысли бытия
жизнь превратила в сон
Небо – в знаках
В знаках – Небо
Свет скорости
противоположен
скорости света
Как если бы эта жизнь
была жизнью
четвёртого вектора
в системе координат

Арт-объект из инсталляции «Время Железного Человека»

Журнал поэтов

33

На вопрос, что в человеке хорошо и дурно одновременно, Анахарсис ответил:

– Язык.

(Анархасис, брат скифского царя Савлия, жил около 600 г. до н.э).

Музыкальные процессы, вызывавшие в начале XX века брожение и диссонантную эрозию многовековых силлабо-тонических плит классической гармонии, имеют свое название. Оно выразилось в смещении центра внимания от содержания на материал. Первый таран, или шар-бабу, или клин в утонченные линии цивилизованного языка пустили русские авангардисты – и в упоении грохота (что, как показало новейшее время, уже само по себе и было искомой плазмой нового языка) ринулись раскапывать архаические курганы, по ходу раскопок превращая их в вулканы. Освобожденные шипение, гул, гортанные завывания и пары серы стремительно обретали свою эстетику в музыке машин и новом благозвучии урбанизма, в поэтике механических (позднее модифицировавшихся в электронные) звучаний, шумов и тонов «внемusыкального спектра», который постепенно стал неотъемлемой частью современного музыкального звука. Другой путь, впрочем, не столь долгий, обозначили неоклассицисты, наполнив сосуд новой, диссонантной гармонии многократно рассмотренной теоретиками программностью. Атрибутом художественной наглядности послужила естественная историческая противоположность цивилизации – варварство. Опасно подтверждая тезис бессилия первой перед последним, тема варварства всколыхнула тяжелые, неуловимо переходящие границу тления, благовоения мистики и позднего романтизма «цивилизации Заката». Новое искусство строило свою татлинскую башню из новых образов и атрибутов. Средневековый скальд сменился скифским скальпом. Скорлупа консонанса трещала по швам, разламывая округлый тональный абрис под яростными ударами клюва нового птенца диссонантности, набравшего силу и выбиравшего себе новый тембр: меняя *santo* на кант смычка, вытаскивая из скрипки – скрип, используя литавры для гравировки ритмических тавро, отменяя табу виртуозности тубы. И вообще используя многоярусную оркестровую колбу для возгонки новых сонорных веществ – из колотимых спиной смычков и спиралей остинато и новых расстояний между аккордовыми позвонками – до их

мистериального брака.

Отменив тональные тяготения и падения (каденции), пружина гармонии устремилась вверх – золото квинтовых пропорций породило тритоновую-секундовую ртуть. Во всем этом читалось стремление снять тяжелые драпировки декадентской усталости и жадное ожидание нового дня искусства.

И День наступил, открыв новое небо и новую землю. Это 29 мая 1913 года – день премьеры «Весны священной» И. Стравинского в парижском Театре на Елисейских Полях, которой, по словам самого композитора, «почти ничего непосредственно не предшествовало». Час прорыва, «час нуля» Новой музыки был отмечен стихийной языческой мощью. За столетие она проделала путь от наивных красочных, сказочно-исторических стилизаций до электронных экспериментов с микрофизикой звука, вышедшего со временем за пределы не только программных аналогий и аллюзий, но и вообще предметности – в космос. И вот теперь, из звуковой невесомости, освобожденным от каких бы то ни было программных гравитаций слухом можно настроиться на волну того «большого взрыва», который навсегда оскорбил декадентское чувство прекрасного и тем самым позволил музыкальной вселенной плодотворно расширяться дальше.

Когда-то Вергилий говорил, что рождает свои стихи наподобие медведицы: подобно тому, как это животное производит детей бесформенных и безобразных, а затем, облизывая, уже рожденным придает вид и облик, так и плоды его дарования тотчас после рождения бывают грубы и несовершенны, и он лишь потом, отделявая их и обрабатывая, придает им черты лица и выразительности. В противоположность процессу «окультуривания» материала, описанному Вергилием, апологеты «варварства» и «варваризмов» стремились вернуть музыке ее изначальные составляющие – грубую фактуру необработанного звука, экспрессию и ритуальную силу. Экзотические для рафинированного сознания семена мифов и культов упали на основательно подготовленную лингвистами почву и взошли мощным хаосом

многочисленных «Allegro barbaro» в творчестве Бартока, Стравинского, Прокофьева, Дешевова, Рославца, Мосолова, Лурье.

Именно витальной потребностью новизны можно объяснить сенсационный успех дягилевских сезонов в Париже, на которых впервые была исполнена языческая мистерия Стравинского «Весна священная». Она сразу стала стереотипом, новым лексиконом и счастливым талисманом антрепризы. Магическая сила жертвенной и экстатической смерти владела умами. На этой волне поклонения Дягилев решил закрепить успех и заказал новый «дикий» балет Сергею Городецкому и Сергею Прокофьеву. Но наивное либретто Городецкого «Ала и Лоллий», иллюстрирующее один день из жизни молодой идолицы Алы, и с победой сил Солнца в финале, не смогла бы, по мнению Дягилева, «держаться аффект». Музыку Прокофьева он считал малоинтересной и слишком «заковыристой». Балет был отклонен, и первоначальная пантомимическая канва ушла на дно возникшей позднее симфонической «Скифской сюиты», прочитываясь в чередовании эпизодов и в названиях частей.

В отличие от «Весны», у этой скифской фрески были предшественники – половецкие сцены «Князя Игоря» и сам балет «Весна священная», музыка которого еще не была широко известна в России. Несмотря на условность доисторических реалий, композитор уловил некое реликтовое излучение мощи и эроса воинственного этноса, считавшимся вхожим в соседний, промежуточный мир и этим вызывавшего ужас цивилизованных римлян:

«В Скифской земле водятся рогатые ослы; их рога выдерживают аркадскую воду, так называемую стиксову, а все другие сосуды она разрывает, хотя бы они были сделаны из железа. Говорят, что один из таких рогов был поднесен Сопатром Александру Македонскому; последний, как слышно, удивившись этому рогу, принес его в дар Аполлону Пифийскому в Дельфы и велел вырезать следующую надпись: «Тебе, Пеан, посвятил Александр Македонский этот рог скифского ослы, чудную вещь, которая не была побеждена чистым течением лусейского Стикса и выдержала силу его воды», – писал Клавдий Элиан. Его следующий пассаж – о другом мифологическом животном в хозяйстве скифов:

«Животное таранд... меняется вместе с шерстью и принимает тысячи различных цветов, так что поражает зрение. Водится он в Скифии, хребтом и величиной похож на быка. Скифы обтягивают его шкурой свои щиты и считают ее надежной защитой от копий...»

Именно так красочно-сонорно Прокофьев трактует оркестр, представленный в четверном составе, оснащая

его щиты (ударные) всей силой первобытной энергии. На первом исполнении энергия, очевидно, выплеснулась из берегов, и шкуры таранда на литаврах, оказавшиеся менее прочными по сравнению с рогами ослы, разорвались. Сюиту открывает сцена поклонения богу Велесу и Але. Велес, при всем свободно-вольном обращении либреттиста С. Городецкого со славянской мифологией (имеющей мало общего со скифской), здесь совершенно необходим: ведь именно он привел мир в движение. Его имя связывалось с корнем «вел» – мертвый (и тембр его – труба) и другим однокоренным словом – «величие», что косвенно подтверждает догадку римского историка об источнике магической силы воинственного народа: скифы зачерпывали ее из другого мира, погружаясь в смерть и возвращаясь назад по окровавленной стреле.

Вечно актуальная тема «пляски нечисти» второй части цикла трактована композитором как бешеная пляска красок, а не шествие сил зла – время метаморфоз «нечисти» еще не пришло.

Актуальность, как и мода, периодически возвращается. Остро чувствующий новизну музыкальный критик Борис Асафьев писал в 1915 году сострадательно, а его тираду слово в слово мог бы повторить критик сегодняшней: «Бедные! Привыкнув слушать или старье, или новейшую посредственность, абоненты должны были в нынешнем сезоне не только основательно познакомиться со Скрябиным, но даже прикоснуться к Стравинскому и, кроме того, воспринять Второй фортепьянный концерт самого Сергея Прокофьева, музыкального страшилища и пугала для всех сладко дремлющих в тине привычных и донельзя использованных форм и выражений...»

Расшевелив курганы, художники-авангардисты стали первыми жертвами их опасно разбуженной силы – через два десятилетия джин варварства покинул сосуд своей художественной формы и направился в Европу.

Бродить...

Фотокомпозиция Александра Лысенко.

ПОСЛАНИЕ ПРЕДКАМ

(Исполнять в стиле рэп, пританцовывая)

На полке Бальзак в двадцати томах, нет, что-то не так у предков в мозгах! Шишкин в раме, училкин тон и символ халявы – белый слон. Для них самый цимес, когда застой, у них вместо фитнеса бег трусцой. У них вместо суши селедка с луком, а бить баклуши – значит делать науку. Все их условности – один геморрой, а хваленая духовность – полный отстой, так как монополиям дикого рынка эти антимонополии – что слону дробинка. Шаг влево, шаг вправо – для них расстрел, а косячок отравы – уже беспредел.

Поколения – это ступени,
по которым карабкается
к полному отупению
цивилизация.

На этой лестнице смотрят вверх, а не вниз, там нам мерещится киндер-сюрприз: вирус супергриппа и полет на Марс, откуда за кучу гринов притащат для нас фотки для архива и мешок камней. Разводилово! Раздали бы пиплу башлей! А тут еще диво – климатический сдвиг, в Питере – Мальдивы, а в Москве – ледник. Президента, как есть, помажут на царство, а в Европе как ересь отменяют христианство. Дабы устаканить рост населения наркоту пропиарят к употреблению. А журналюхи, чтоб не остаться с носом, будут чернуху качать насосом. Сочиним инновации, как хотят наверху, и на радость нации подкуем блоху. Материнскую плату построим в мозги – и вот ума палата без школьной нудьги. Надувную тёлку научим рожать и кофе с толком в постель подавать. Так решится упрямый гендер-вопрос без стишков кудрявых и букетов роз. Тарелка причалит со звезды «Дубль Вэ»: «Рэкетиров звали? Гоните лавэ! А также подарки для зеленой братвы: отбираем в зоопарки королей красоты». Изучим иероглифы «Еду давай!» и все грядки картофеля отдадим в Китай. Если все прочее производится там, то чего здесь морочиться на радость жукам!

Нет, мы не в обиде, предки, реально, что мы не увидим товарища Сталина, не протрясёмся в потрясном советском ЗИМе, за дешевой колбаской не постоим в магазине, не разопьем с народом «Спотыкач» из опилок, не услышим «Свободу» сквозь вой глушилок. Не научимся «Правду» читать между строк, а Маркс и давно пойдет нам не впрок. Не услышим баснословные вести с полей, что заготовлена аж тыща пудов отрубей. Пивка не выпьем за родную страну, когда она вымпел зафинтит на Луну.

Как, видно, классно было жить в государстве, где громогласно объявлено, что все прекрасно! Грозить миру бомбой «Кузькина мать», от всего косить, и на все забивать!

Алексей Крученых

Голод химический Баллады о камне Карборунде

I. Реквием

Карборунд – гремющий клад
Огром, колесо на крышах
Зубом раздавит рессору над нами,
Осколки на пальцы нанизывает!
Восстань праматерь чугуна
Ревущая лахань, руда, железо
Излей из груди глины стальное молоко
Утробу шли по жирным жилам
БРЫЗНИ —
Все выпивает он

ГЛУШИТЕЛЬ
Марборунд!..

II. Плясовая

Карборунд — алмазный клада
Солью брызжет на точиле
Крепче кремня жаркий сплав
В магнетическом горниле!..
В чем бессилён Крупновский снаряд —
Ты танцую проскользнешь!
Айро — молний точный взгляд
Стало — грудь пылишь щепоткой!
Перед гибелью металлы
Как пророки
В лихорадке
На ребре прочтут насечку
SiC — (эс и цэ)
Твой родословный
Гордый знак!..
Зудахарь А. КРУЧ.

Карборунд (карбид кремния; SiC) — тугоплавкое химическое соединение. Крупновский — по названию германского металлургического и машиностроительного концерна («Кшрр»).

Si¹⁴
28.006

Разрез завода

— форточка...
маятник
стальной угол
аршин небо-газа
жужжит жироскоп
стук... марш... синкоп...
под цейсом — пластинки радия секут,
синтарис... альфа-бета-гамма-луч,
плавает хрусталь
по ребрам арматуры...
фольга в торий
золотник... кривошип шатун
дрелит
шуршат броней
лезу в зонд —
земля... зл... зх... чм... бронзы
завьюзг... завиток... зарр —
стружки-ж-ж-з-з-з!..
— завод в ходу!..

1920-1921

Художник В. Фомичев 1959

Марина Розанова

ПО ТУ СТОРОНУ ГРАФОМАНИИ

Мне кажется, что когда Христос отводил царство небесное нищим духом, в число тех «блаженных» он включил бы всех, кто лишен страсти к графомании. В России таких нашлось бы немного. Существует распространенная иллюзия, что талант и графомания в привычном понимании этого слова «суть несовместны». Под графоманией в данном случае я понимаю не только «болезненную страсть к бесплодному писанию», но к любому бесплодному творчеству вообще. Однако жизнь показывает, что в конкретном человеке талант и графомания спокойно уживаются тогда, когда затрагиваются разные творческие области. Видимо, графоманию, как грипп, может подхватить каждый. Вопрос только, будет ли «чихающий и кашляющий» больной появляться на людях.

Таланту позволено все, даже графомания

Пока я пристально вчитывалась в сборник философских стихов популярного актера, мой мозг лихорадочно искал объяснений. Они пока сводились к двум: или актер втайне смеется над всеми графоманами, создавая как бы зеркальное отражение их поэзии, или это темный заговор неких злобных сил с целью подорвать доверие к нашим абсолютным талантам. Первое предположение, увы, опровергается тоем благостным выражением, которое появляется на лице актера, когда ему предоставляется возможность с телеэкрана прочесть собственные стихи. Второе предположение было бы более лестно для его личности, но тогда за этими «неизвестными темными силами» должна была бы стоять такая мистическая величина, которая возможна разве что в произведениях Толкиена.

По одной из версий Эйнштейну один раз посчастливилось сыграть на скрипке вместе с королевой Нидерландов. После их выступления великий ученый с грустью обратился к королеве примерно с такими словами: «Вы лишили меня главной гордости — я думал, что хуже меня никто не играет на скрипке, а оказывается вы — еще хуже». Поле под названием «бывает еще хуже» — бескрайне. Для графомана это утешительно.

Психологически понятно стремление талантливой личности, уставшей от ответственности, которую предполагает профессионализм, выйти,

Сноб и графоман

Басня

Графоман приходит к снобу.
Сноб ему не открывает.
Графоман приходит снова.
Сноб засовы запирает.
Лесть, притворство и обман —
Проберется графоман.
Графоман стихи читает,
Сноб в мученьях умирает.

Мало избранных, но много званых
Мало снобов — много графоманов.

по закону Паркинсона, на уровень собственной некомпетентности. Безответственность графоману дает неповторимое ощущение свободы. Но все графоманы, осознавая где-то в закоулках подсознания собственную несостоятельность, стремятся к тому, чтобы окружающие убедили их самих в обратном. Иногда просто кланча, иногда, агрессивно — с включением административного ресурса. Иначе чем объяснить восторги по поводу графомании в высших эшелонах власти?

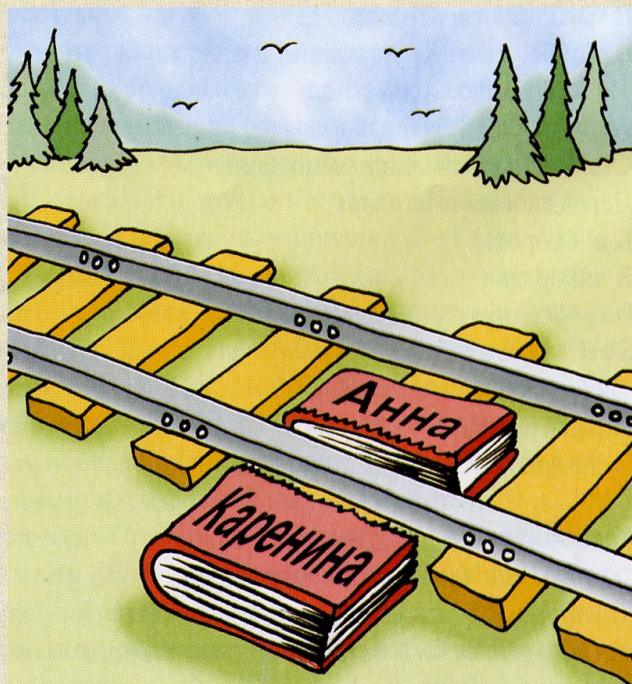

Рисунок Игоря Ревякина.

Графомания: симптомы и течение

Среднее арифметическое опроса известных писателей о признаках графомании привело к тому, что все писатели – графоманы, но не все графоманы писатели. По той же логике, утверждение, что «плохому танцору яйца мешают» вовсе не означает, что хорошему танцору они же помогают. Возможно ли конституционно закрепить среди прав человека право каждого считать кого угодно графоманом невзирая на титулы?

Трудно словами объяснить, чем тепличный помидор отличается от солнечного, пока не укусишь. Говорят, правда, что искусственный помидор травит своего создателя. В сущности, критериев графомании нет и быть не может, как не может быть единицы измерения таланта. Признание большинством и востребованность не могут служить такими единицами, иначе «Мурка» была бы куда более значительным произведением искусства, чем музыка Шнитке. Значит важен успех у элитной аудитории. Но это чаще всего случается после смерти. Ясно только, что настоящий творец не задается вопросом, признан он или нет.

Сложно дать описание разницы подлинного и поддельного, но так же сложно одно с другим перепутать. Так нормальный мужчина отличает темпераментную партнершу от фригидной, сколько бы последняя ни симулировала африканскую страсть. Если с критериями графомании непросто, то признаков графомании сколько угодно. Классический признак графомана – он очень серьезно относится к тому, что делает. Юмор в адрес своего творчества для него абсурден, как появление в шортах на симфоническом концерте. В любое время суток при нем находятся его творения, которые всем появляющимся в поле зрения он предлагает оценить – навязчиво и одновременно с робостью, напоминая эксгибициониста в березовой роще. Самоирония всегда сопутствует творцу, но ее начисто лишен графоман. Творчество, утверждающее собственную серьезность, обычно вызывает смех.

Страна непуганых графоманов

Исторически очень понятно, почему большинство в нашей стране стремилось приобщиться к творчеству. Человек, загнанный в рамки тоталитаризма, пытается расширить границы своего внутреннего мира. По логике Кости Потехина из

кинофильма «Веселые ребята», «сегодня пастух, а завтра – музыкант». Подражать поэзии Пушкина было легче всего. Я не даю в данном случае оценочных категорий – хороша или плоха эта поэзия. Она может нравиться или не нравиться, но ее основная характеристика – это доступность для большинства. Есть поэзия, скажем, Державина, которая более глубока и философична даже по оценке самого Пушкина. Именно поэтому она для многих и сегодня слишком сложна, чтобы сделать Державина национальным поэтом. В этом смысле и Лермонтов уязвим. «Народным» поэтом, как справедливо замечено, мог стать и стал только Пушкин. Он породил невероятное количество посредственных поэтов, а посредственность – база тоталитаризма. Вторая причина кроется в том, что,

Рисунок Игоря Ревякина.

кроме СССР, нигде в мире графоманство не было государственной политикой. Графоманство может дать социальный статус, к примеру, могущественный в советское время членский билет Союза писателей. Отсюда такое количество желающих приобщиться. «Вы – писатель? Ваше удостоверение». К тому же власти на руку, что в отличие от ворона, графоман графоману не то что глаз, а все, что сможет, то и выключает.

Однажды группа американских поэтов в конце 80-х собралась в Москве в музее Маяковского. Их со всех штатов набралось человек 20. Они увиделись в первый раз и смотрели друг на друга глазами, почти слезящимися от умиления, что у них в их стране оказывается такое количество «белых ворон». Во всем мире стыдно что-либо делать плохо, в том числе писать плохие картины или плохие стихи. У нас, поскольку поэт больше, чем поэт, писать плохие стихи менее позорно, чем не писать вовсе. Тем не менее, здоровое начало все-таки

осталось в том, что слово «графоман» в России, сколько ни рассуждай, все-таки оскорбительно.

Графоманье в специально отведенных местах

Графомания тем шире распространяется, чем больше время размывает существующие правила того или иного вида творчества. Никому не приходит в голову карабкаться на сцену Большого театра с возгласами: «Я бы станцевал партию Жизели не хуже». Однако объявленная всеобщая графоманность, а также авангардизм таких художников, как Малевич, сделали свое «черное» дело. Всякий, освоивший четырехстопный ямб, пишет стихи, а посмотревший на знаменитый «Квадрат» берется за кисть со словами: «Я тоже так могу», — стремясь пополнить легионы тех, кто, как фрекен Бок, хочет попасть в телевизор. И в этом нет ничего зазорного, когда самостоятельное творчество объявляет себя таковым, предупреждая каждого подобно знаку на автомобилях — «Осторожно, ученик». Для эпистолярного жанра теперь существует Интернет: пиши себе, а кто захочет, прочитает. Даже на телеэкране отведены специальные места. Есть передачи, созданные специально для графоманов всех областей. Есть КВН, где изначально предполагается самостоятельный юмор, есть народные хоры и народные театральные студии, есть Клуб Самодетельной Песни. Не хочешь — не слушай. Однако когда графоманы симулируют под профессионалов, — это мошенничество с не меньшим коварством, чем у знаменитых уличных лохотронщиков. Это графоманы рангом выше — симулянты.

Против любой симуляции творчества возможен только один метод, который в свое время предложил Хармс, когда его ответом на заявление: «Я — художник», — было неизменное: «А, по-моему, ты — говно».

Графоманы всех направлений, объединяйтесь

У Аверченко есть рассказ, как редактор, устав от графомана, невзначай заметил, что у собеседника неисправны часы, и предложил починить. «А вы умеете?» — спросил автор рассказов. «Конечно», — ответил редактор и уверенно развинтил часы. Вытащив кое-какие детали и беспомощно разведя руки, вернул их владельцу. «Так какого же вы

дьявола, ни черта не смыслив, беретесь не за свое дело?» — возмутился автор. «А какого вы дьявола взялись за литературу, ни черта в ней не смыслив?» — ответил редактор. Тем не менее, автор сообщил, что принесет новый рассказ. «Ладно, — согласился редактор, — если еще будут часики, притащите и их. Может быть, мы оба, в конце концов, научимся».

Что касается тех, о ком шла речь вначале, о признанных талантах, использующих свою популярность в корыстно-графоманских целях, то, как советовал известный булгаковский персонаж, можно «подобное лечить подобным». Во-первых, следует сделать обязательными для всех, кто подвержен внезапному пробуждению неожиданного таланта, такие виды деятельности, как покорение отвесных ледяных скал или подводное плавание. Во-вторых, тех, кто жаждет поделиться с человечеством своим вновь открытым даром, стоит обязать в той же мере пользоваться услугами тех, кто обнаружил в себе другой талант.

К примеру, после того, как музыкант купил у писателя его картину, писатель в знак благодарности мог бы предоставить себя музыканту, чтобы тот поэкспериментировал как пластический хирург. Актер, прочитавший по телевизору свои стихи, непосредственно после эфира отправляется к пианисту, который почувствовал тягу к парикмахерскому искусству. Адвоката, выставившего свои картины, накануне презентации отправляют лечить зубы к художнику-карикатуристу. Ко всем им в качестве мастеров по ремонту электронной аппаратуры направляют любознательных в этой области фотомоделей, а унитазы поручать чинить университетским профессорам. И уж само собой разумеется, что в качестве литературных критиков, искусствоведов и театроведов для оценки их профессиональной деятельности приглашать программистов.

Правда, жизнь расставляет все по своим местам, и примерно так уже и происходит.

Рисунок Игоря Ревякина.

Рисунок неизвестного художника.
Фотография Константина Кедрова.

Поймала «завра» Елена Кацуба.

Андрей Коровин

ДООС – крымозавр

Завещание Ланцелота

любимая
я завещаю тебе хвост дракона
которого я победил
в честном неравном бою

помнишь
одну его голову
забрал институт истории
другую
институт мозга
третью
поместили в мавзолей
под стеклянный колпак

тушу его
разделили поровну
неделю пировали победу
когти и кости
растасили собаки и дети
а крылья
да

крылья
я подарил на свадьбу
нашему королю

а мне
достался лишь хвост
который я отрубил
первым же ударом

спустя неделю после боя
он ещё дымился
а потом стал как будто копчёным
и совсем не портился
странный это был хвост

я поселил его в саду
и в нём свили гнездо
королевские ласки

а из-за чего я с ним дрался
уже не помню

«Преодолев затверженность природы,
Голуботвердый глаз проник в ее закон.
В земной коре юроствуют породы,
И как руда из груди рвется стон».

Осип Мандельштам, 1934

Людвиг Легге

Марбург, Германия

* * *

Одинокое перестойное дерево
мои друзья вырублены
по следу улитки прошлое меня настигло
о время которое в зеркале тает как лед
тиканье стенных часов это бомба
чтобы взорвать мою душу динамита не надо
взрывчатка заложена в пропасти
куда я лечу беззвучно
гедонисты устранили чувство боли
они учат уравнивание удовольствия
максимизацию прибыли наслаждения
на пиру с мечеными телами
мертвая гонка на кладбище автомобилей
где ваши лица сияют в расцарапанном автолаке
при этом постоянно в ушах стеклянный напев
монады не имеют окон
бесплодные слова не размножаются
крот роет в соединительной ткани
но я беру тени за руку

* * *

Я из тех современников что регулярно
засыпают у телеэкрана
мимолетный силуэт неисправимого мечтателя
выющийся в слепом балете вспыхивающих картин
декоративная кукла здравого смысла
персонифицированный фантом знатоков
общественного мнения

уже исследуют неврологи токи моего мозга
все что я люблю и что ненавижу
красное пламя нагревает мои вены
управляемое вживленным чипом
регулятором настроения по шкале Рихтера

да я пленник апокалипсиса повседневности
утечки газа и высохших огнетушителей
подкожной глобализации и холодца из языка
газетных передовиц
всеобщей крестословицы жизни.

дешевой шариковой авторучкой я врезаю слова
в пергамент моей собственной кожи
саднящие шрамы слов

чем помогут кофейные фильтры и частицы саж
тяжко дышащим пневмокониозным легким
перед близким инкассо неба

я вцепился в стропы вечности
я пытался прыгнуть
но парашют не раскрылся

*Взял немецкие тени за руку и прыгнул
с парашютом на русскую сторону
Вячеслав Куприянов*

*«Мы – источник веселья – и скорби рудник,
Мы вместилище скверны – и чистый родник.
Человек – словно в зеркале мир, – многолик,
Он ничтожен – и он же безмерно велик».*

Омар Хайям

Рисунок Кристины Зейтуниан-Белоус (Париж, Франция).

Александр Чернов

ДООС – днепрозавр
Киев, Украина

* * *

Особняк построил Городецкий
из песка, цемента и воды.
Красные и белые гвардейцы
арматурно вывихнули рты.

И пока не приняло кривлянье
стоматологический размах,
быстро поменяли киевляне
номера и флаги на домах.

На лету к Вальпургиеву зонгу
прицепил фундамент виртуоз.
До сих пор басит за горизонтом
тыл кирпичный или паровоз.

Осаждают звери и химеры
стены, словно беженцы – состав.
Как же он дошел до нашей эры,
если нумерация с хвоста?

Если не Всевышний месит кельмой,
а помельче кто-нибудь, с рукой,
и горят огни Святого Эльма
железобетонной лепотой.

Я и сам готов дойти до ручки,
но хотел бы много-много лет
в самовольной числиться отлучке
в случае неявки на тот свет.

Ведь согласно устному рассказу,
горняки, спешащие в забой,
извлекают камни из-за пазух,
чтобы взгромоздить над головой

Бонапарт, в короткий срок рекордно
захватив долину пирамид,
объявил, что это – терриконы,
и теперь всемирно знаменит.

Лучше быть кочевником, пропавшим
добровольно без вести в пыли,
чем форсить надгробьем черепашным
с лаконичным текстом «пуп земли».

Так поэт созвездия Треченто
описал зачем-то этот ад,
дабы Сфинкс, с утра на четвереньках,
над загадкой мучился, как гад.

Элементы декора «Дома с химерами» в Киеве.
Построен в 1901-1903 гг.
Архитектор Владислав Городецкий.

Хадаа Сендо

Улан-Батор, Монголия

Снежная сцена

Однажды утром
Танцующими снежинками
Падающими на лицо мое
На улицы, на деревья,
Новый год придет.
Звездами северного ночного неба
Холодно посмотрит на меня
Сорокалетнего
Но вновь
Рассветом ярко-красным вспыхнет кровь
И пусть я слаб
Но до последних дней
Стихи слагать я стану
И как Ван Гог
Посею семена подсолнуха
По всей земле

*Перенесла монгольский пейзаж
на русское поле
Александра Заболотская
(Казань)*

Ганна Шевченко

ДООС – пчела

ухо Ван Гога

одеваюсь
кладу в карман
отрезанное ухо Ван Гога
выхожу на улицу

вижу птицу
говорю:
– птица!
она не слышит
разворачивается
улетает

вижу собаку
говорю:
– собака!
она не слышит
разворачивается
убегает

вижу человека
говорю:
– человек!
он не слышит
разворачивается
уходит

/Боже мой!
почему все так глухи!?!/

достаю из кармана
ухо
шепчу в него:
– ...милый...
...милый...
...хотя бы ты, услышь меня...

Денис Безносков

(не)известное

срочное сообщение:
черепаха не знает куда идти
– снизу вверх ползут ти –
тртры тртры тртры тртры –
не знает откуда
– на сетчатке тень от кадра –
она хочет пить
испуганно оглядывается пять
раз вниз
и пять
раз вверх
– арх –
ангел опять
начинает петь
ть ть ть ть
черепаха задумывается: плыть
идти ползти или лечь спать
как быть?
под панцирем дрожит плоть
лоть лоть лллоть
вдруг в ее взгляде что-то меняется
– экран затемняется –

мое пространство

моё пространство
совсем маленькое
оно недавно родилось
я учу его разговаривать

я говорю: тетрадь
оно повторяет: лес

я говорю: мука
оно повторяет: колосья

я говорю: космос
оно повторяет: дом

скоро моё пространство окрепнет
станет большим
и мы заговорим на одном языке

Юрий Беликов

Пермь

МОНОЛОГ УРАЛЬСКОГО КАМНЕРЕЗА

В конце 50-х годов XX века в руки свердловского геолога, профессора Анатолия Алексеевича Малахова попала крышка от малахитовой шкатулки конца XV-XVI столетия.

Приглядевшись к узорам малахита, знаток камня обнаружил в них засекреченную неизвестным мастером летопись событий пугачёвского бунта на Урале. Манера мастера напоминает принцип нынешней стереооткрытки, а то и голограммы.

Памяти

А. А. Малахова

Я — резчик по малахиту.
Я — мастер уральского толка.
Гремите по монолиту,
парчовые московиты,
вам — колокол, мне — молитва,
вы — молотом, я — иголкой,
едучей зело,
от плитки
ведущей чело
на пытки!

Крамольные

мои друзья,
жгут молнии
ваши струги,
ткнут слухи
царёвы слуги,
что плуги уже —
подпруги,
гудящая от натуги,
в округе все зубья вил
в саях,
сеновалах,
сенцах
молва перечла с усердством.
Я между ударами сердца
Россиюшку схоронил!

Скиталец, в каком году
забрел ты с котомкой в скит?
Который же век в скиту
лучинка моя трещит?
И хитро блестит малахит.
И твари сидят в чаду.
И я разговор веду:

— Дай мне, змея,
зуб, чтоб не выпал зря!
Дай мне, рысь,
ухо свое на кисть!
Дай, ястреб-вор,
свой ясный взор!

И молвил мне ястреб тощий:
— Дарю тебе очи, отче.
Ты ими увидишь то,
что больше не зрит никто.

— А то, что никто не зрит,
мой зуб занесет в малахит, —
шипящий изрек клубок
и как-то добавил вбок:
— Кроши, камнерез, малахит,
но он без воды — ядовит.

И глухо вздохнула рысь:
— На ухо мое на кисть!
Зрит око да зуб неймет,
а кисть от беды спасет.

И версты разверзлись света...
И крест я сорвал: — Шайтан!
На камне — цветок, иль это
рогатая морда шута?!

В глазу у него ячмень.
А чуть повернешь — кистень!

Как будто играешь в прятки
С душою своей. Душа
от страха уходит в пятки.
Гляди-ка, и здесь ушла!

Воздушная, как перинка,
парит в цветке балеринка.
Глаза ль у меня косые,
но девку крутну пред собой —
мерещится мне Россия
с пуант величиной!

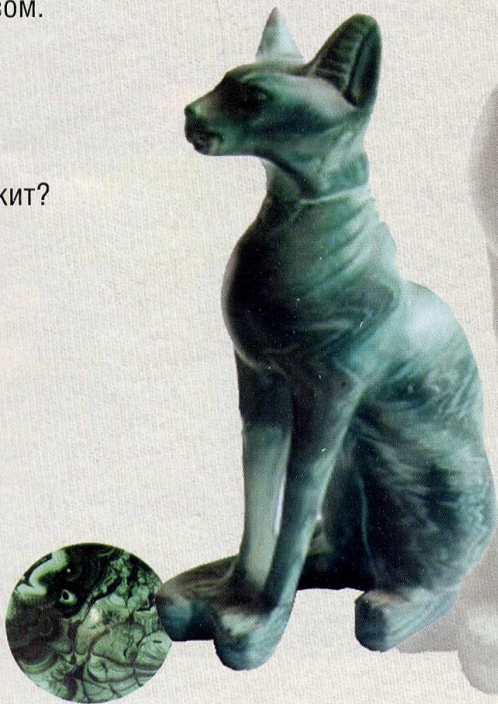
Наверно, с судьбой не расстаться
и в дар переходит изъян,
коль видятся в пыли повстанцы,
в смолистых сучках — Емельян!

И круг я толкну шлифовальный.
И стружка вскипит, свежа...

Молчат за дверьми сторожа.
Вода под резцом убывает.
Я крышу пробью, визжа:
— Дожжа бы сюда, дожжа!

Ты мог бы роптать собором,
органом, холстом или ором
вороньим, но если ты
пожалован миром грубым
лишь камнем да темным срубом,
гляди ястребиным взором,
орудуй змеиным зубом
и кисточкой рысьей пуще
свои заметай следы!

Зеленая пыль всё гуще.
А небо не шлёт воды.

1983

«Сееребро»

Компьютерная графика Кристины Зейтунян-Белоус.

У Бога на устах
застывший гул Вселенной,
и веет мраком

от закрытых век,
и в жилах Бога

миллионом рек
я протекаю, отпрыск
жизни бренной.

Первоначальный замысел
утрачен.

Мне ведомы границы
бытия.

Все перестанут быть, и я,
и этот Бог, что свыше

предназначен
мне одной. Он ничего

не слышит.

И я сама немею
с каждым днем,

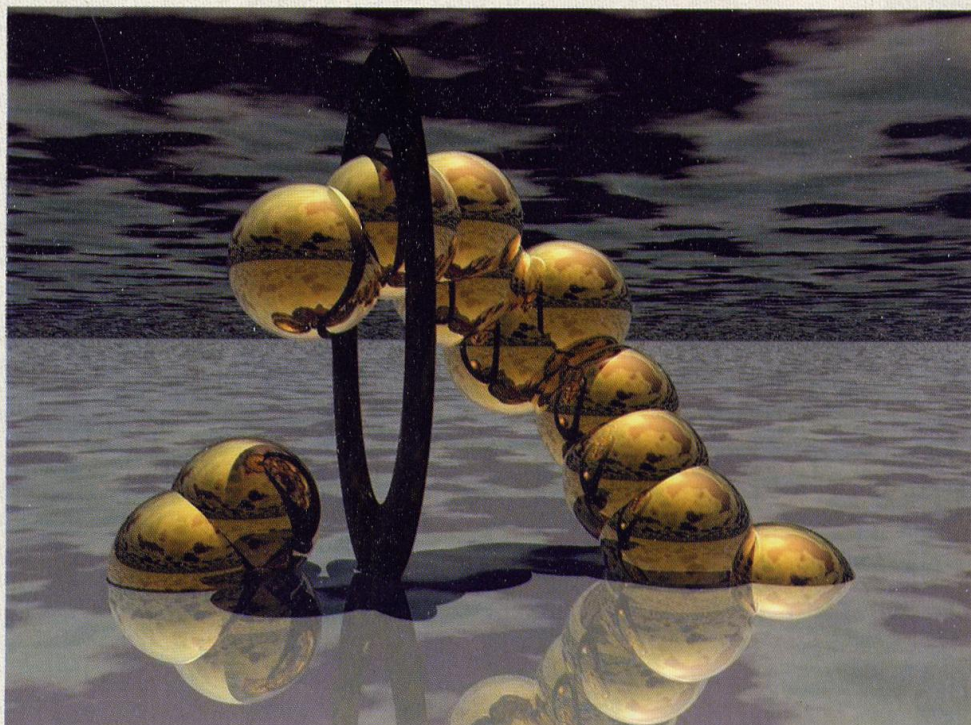
не в силах с черным
справиться огнем

моей тоски, которую
он дышит.

Кристина Зейтунян-Белоус

ДООС

Париж, Франция

«Золотой змей»

Наталия Азарова

друг ДООСа

едем
орёл изо-рта пар
время пути
 непрямо-непряно
я устаю от воспоминаний
позвони-мне по истечении рек
едем
длинный металл языком
памяти льётся с насыпи
мы мимо
зачем-им
сливать в землю горящий язык
сложно плыть далеко-от воды
едем
мой серебряный порт двора

Москва, 31 октября 2007

*

серебро средин
древнего моря скорост
спускаясь с коры
песок присутствию
земли песчаные спички
с пола бабули метут
 безустанью
скребут и спасают душу
моему корабельному телу
щекотно от волн

Ag⁴⁷
107,86

Москва, 25 августа 2006

Константин Бальмонт

РУДА

Широки и глубоки
Рудо-желтые пески.
В мире – жертвенно, всегда –
Льется, льется кровь-руда.

В медном небе света нет.
Все же вспыхнет молний свет –
И железная броня
Примет бой, в грозе звеня.
Бой за вольное житье
Грянул. Сломано копье.
И кольчуга сожжена.
А свобода – где она?

Дверь дубовая крепка.
Кто раскроет зев замка?
Сжаты челюсти змеи,
Свиты звенья чешуи.

И пустынно-широки
Рудо-желтые пески.
И безмерно, как вода,
Льется, льется кровь-руда

Из «Песен мстителя», 1907

Владимир Монахов

ДООС – братскозавр
Братск

Бессмертно всё, что формы не имеет!

Всё выживет, что смысла не имеет,
А что познало форму – разрушимо!
Бессмыслица – вот двигатель прогресса,
Грядущему опора и подмога!

Всё сгинет, что реальных очертаний
Под муками рождения добилось,
Лишь движимый любовным состраданьем
Невидимо для видимых творит!

Спасётся всё, что форму отрицает!
Гармония – в отсутствии начала!
И кто об этом ничего не знает,
Тому полезно будет помолчать.

Бессмертно всё, что формы не имеет!
Бессмертному не надобно рождаться!
Бессмертному достаточно не жить!

«Что нам звоны латыни серебряной:
Плавим в золото нашу руду!»
Валерий Брюсов, 1923

Виктор Ахломов

ДООС – линзазавр

ПОЭЗИЯ ШОСТАКОВИЧА

Фотографии Виктора Ахломова, 1962.

Дмитрий Дмитриевич написал много прекрасной музыки на стихи разных поэтов. От Блока до современников. Возможно, он чувствовал: «Поэзия – это то немногое, что осталось нам от некогда бывшего эдемского сада».

А любое искусство может считаться таковым только тогда, когда в нем присутствует Поэзия.

Опять же реальное подтверждением этой мысли – вначале было СЛОВО.

Ну, а музыка?

А музыка потом.

Но однажды власть чуть было не наложила «эпигаламу» на музыку. На сочинение великого композитора. Причем, случилось это поздней осенью 1962 года. Почти в разгар хрущевской известной оттепели. Шостакович написал очередную, «Тринадцатую» симфонию на пять стихотворений Евтушенко. Среди выбранных композитором стихов был и «Бабий Яр»:

Все молча здесь кричит,
и, шапку сняв,
я чувствую,
как медленно седею...
– Ничто во мне про это не забудет!
«Интернационал»
пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.
Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам,

как еврей,

и потому –

я настоящий русский!

Вот он-то и вызвал пристальное внимание власти к новому сочинению. И даже явное и нескрываемое неудовольствие. Все же есть что-то мистическое, непредсказуемое в числе тринадцать. Как и в определении, что в каждом веке есть свое средневековье. Конечно, любой композитор не принимает в расчет эти мелкие житейские глупости, записывая нотными знаками то, что диктуется ему с неба. Из космоса... Но власть читала текст программного сочинения, написанного Евтушенко. Поэтому и насторожилась.

В день премьеры на утренней репетиции в Большом зале консерватории появился маленький серенький чиновник из отдела культуры ЦК КПСС. В перерыве он проследовал в артистическую к Шостаковичу с дирижером Кондрашиным и в сопровождении директора Большого зала.

Чиновник ясно и коротко донес мысль начальства – симфония неудачная. Поэтому, по возможности, вечером ограничьте доступ журналистов.

Особенно иностранных. Шостакович после этих слов инстинктивно, схватился рукой за голову. Опять написал сумбур не на те слова. И, наверное, вспомнил старую заметку в «Правде» – «Сумбур вместо музыки».

Вечером премьеры, слава Богу, состоялась. С цветами, бисами и переаншлагами. Евтушенко без конца вытаскивал на сцену композитора. Одной рукой держа его за руку, другую прикладывая к сердцу. Как бы еще раз, подтверждая библейскую истину, что вначале было СЛОВО. Поэтическое!

Сам же композитор чуть позже писал в письме своему другу следующее: «Оглядываясь на пройденный путь, скажу, что дважды мне делалась реклама («Леди Макбет Мценского уезда» и 13-я симфония). Реклама очень сильнодействующая».

А драматический портрет Шостаковича с рукой до сих пор живет своей отдельной жизнью. Я получил за него несколько премий. В том числе в Голландии на знаменитом Пресс Фото. Но для меня как линзавра радость в другом. Когда в Москву приезжает любой симфонический оркестр, на репетициях в открытых футлярах музыкантов, в основном у струнников, я вижу приклеенную репродукцию своего снимка. Значит, он дает какую-то свою

положительную неизреченную энергетику. Шостакович и сегодня несет свою духовноподъемную вахту.

«1 июля 1962 г., Москва.

Находясь в больнице, начал сочинять 13-ю симфонию. Вернее, это пожалуй, будет вокально-симфоническая сюита из пяти частей. Исполнители – бас-солист и басовый хор, ну и симфонический оркестр. Я использовал для этого сочинения слова поэта Евгения Евтушенко. При ближайшем знакомстве с этим поэтом мне стало ясно, что это большой и, главное, мыслящий талант. Я с ним познакомился. Он мне очень понравился. Ему 29 лет (sic!). Это очень приятно, что у нас появляются такие молодые люди.

Симфония состоит из пяти частей. <...> Первые три части полностью готовы».

Дмитрий Шостакович, из письма

8 декабря 1962 года 13-я симфония Шостаковича была исполнена в Москве и...тут же снята с репертуара.

Reverse parenting

оборот забот

It can be hard
watching you grow up
towards independence

Будет нелегко
смотреть, как ты растёшь
навстречу независимости

Loving you so
feeding you
'open wide'
changing you
'not again'

Так любить тебя
кормить
раздевать
переодевать –
о, только не это!

I push you in your stroller
you walk a little more each day
stumbling less

Я качу твою коляску
ты шагаешь с каждым днем немного
больше и меньше спотыкаешься

The joy

Радость

You learn language
sounds develop into words
words becomes sentences

Ты учишься говорить
звуки становятся словами
слова фразами

Your world expands

Твой мир раздвигается

At night I gently lay you
on your side
you curl up snug
foetal again

Вечером я укладываю тебя
на бочок
ты сворачиваешься поудобнее
ты снова зародыш

I kiss your forehead
the skin do fine
my lips sense the steady pulse

Я целую тебя в лоб
кожа так тонка
мои губы чувствуют четкий пульс

Your heart
certain of tomorrow

Твоего сердца
уверенного в завтра

Parenting reverse

забот оборот

It can be hard
watching you grow down
towards dependence

Будет нелегко
смотреть, как ты стареешь
навстречу зависимости

Loving you still
feeding you
'open wide'
changing you
'not again'

Все же любить тебя
кормить
раздевать
переодевать –
о, только не это!

Stumbling more
you walk a little less each day
I push you into your wheelchair

Ты больше спотыкаешься
шагаешь с каждым днем немного
меньше и я качу твою коляску

The sadness

Грусть

You unlearn language
sentences diminish into words
words become sounds

Ты забываешь как говорить
фразы становятся словами
слова звуками

Your world contracts

Твой мир сокращается

At night I gently turn you
on your side
you curl up snug
foetal again

Вечером я укладываю тебя
на бочок
ты сворачиваешься поудобнее
ты снова зародыш

I kiss your forehead
the skin do fine
my lips feel the feeble pulse

Я целую тебя в лоб
кожа так тонка
мои губы ощущают слабый пульс

Your heart
uncertain of tomorrow

Твоего сердца
неуверенного в завтра

Ian Probstein

New-York, USA

Ян Пробштейн

Нью-Йорк, США

I - Я *

A Talk-Show

I saw you on TV the other night
I saw you in a dream the other night
I saw you in a nightmare I guess

I talked to you but you were on TV
I talked to you but you were in a dream
I talked to you in a nightmare perhaps

I talked to you but you never said a word
You talked a lot but never said a word
In that nightmare dream on the TV

You looked around but never looked at me
Then you turned back and turned away alas
Went back to business or perhaps to sleep

Or maybe to a party — who will know?
God knows what happened there to you and me
Since I turned off that nightmarish TV

* Стихи на английском и русском

Ток-шоу

Тебя я видел в телепередаче
Во сне тебя я видел прошлой ночью
Тебя в кошмаре видел не иначе

Я звал тебя но в телепередаче
Я звал тебя наверное во сне
Я звал тебя в кошмаре не иначе

Я говорил с тобой но ты молчала
Я говорил но ты лишь снилась мне
Я говорил с тобой в кошмаре не иначе

Оглядывалась ты и все молчала
Болтала ты но слова не сказала
В телекошмарной этой передаче

Глядела ты меня не замечая
Затем ты отвернулась и ушла
В дела ты погрузилась или в сон

А может на тусовку — как мне знать?
Бог знает что случилось с нами там —
Я выключил телекошмарный шоу

Рисунок Кристины Зейтунян-Белоус (Париж, Франция).

Кира Сапгир

оса ДООСа
Париж, Франция

Кругомёт памяти

Андрея Вознесенского

Андрей Вознесенский
Век двух Х

Настанет лада кредова –
Константа Кедрова

Я стою босой. Я чувствую рядом священное дерево, под которым когда-то медитировал Будда. Дереву 2300 лет. Оно древнее нашей христианской цивилизации. Собственно и вид у него такой. Корневая система слилась со стволом до уровня третьего этажа примерно. К стволу примыкает прямоугольный навесик. Над местом статуи Будды. В плане, я думаю, это похоже на ПО, только там «п» поменьше – ПО.

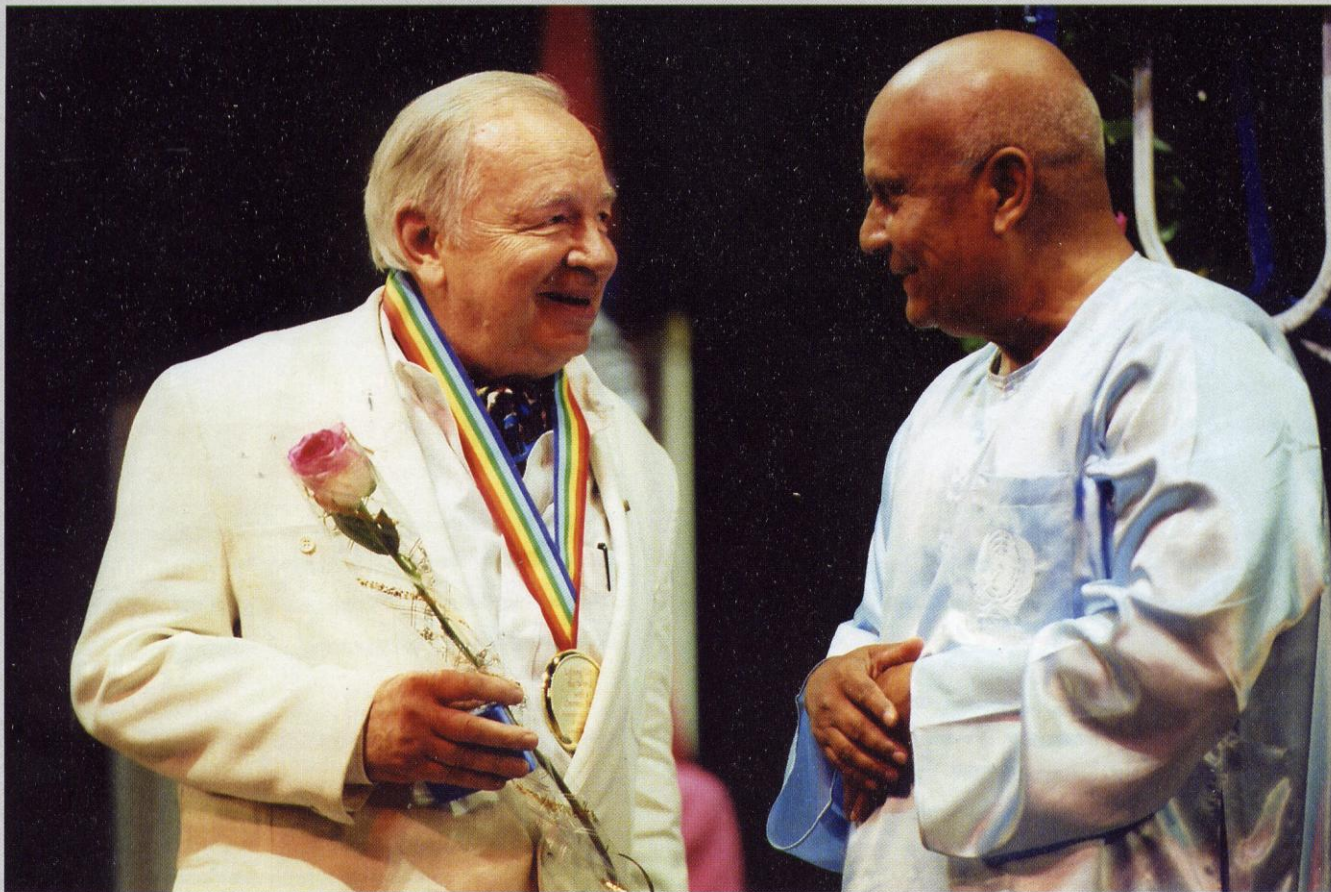
Константин Кедров

Этот текст Андрей продиктовал мне по одному из первых мобильных, прямо из-под Древа Будды в Индии специально для 11-го номера «Газеты ПОэзия» 1999 г. Так тогда назывался будущий «Журнал ПОэтов». Тогда еще голос Андрея звучал отчетливо, и поэтический репортаж с места, где Будда получил свое первое просветление, был напечатан. В начале нового 21-го века Вознесенский снова соприкоснулся с Индией, встретившись с индийским поэтом и медитатором Шри Чинмоем. Эта встреча и запечатлена на снимке, который много лет пролежал в столе, дожидаясь публикации в этом номере. Я надеюсь, что наш великий ДООС и Стрекозавр увидит из Вечности эту публикацию и улыбнется светлой улыбкой, которую мы так любили при его жизни и любим теперь.

Юрий Москалев

Смоленск

Это 2004 год, кажется, 30 мая. Чинмой Кумар Гош давал концерт во МХАТе. Я присутствовал на встрече, где после концерта он вручил Андрею Вознесенскому медаль «Lifting up the World with the Openess-Heart» (Поднимая Мир Сердцем Единства). Шри Чинмой вручал ее людям, которые, внесли большой вклад в развитие гуманизма. Вначале я предложил материал в журнал «Иностранная литература». Они не заинтересовались. Другие журналы отвечали, что они иностранных авторов, особенно поэтов, почти не публикуют, и отсылали меня в «Иностранную литературу». Потом я узнал о «Восточной коллекции», но не успел дойти до них, потому что был очарован презентацией «Журнала ПОэтов» № 11 и решил предложить вам этот снимок и свои переводы.

Андрей Вознесенский и Шри Чинмой на встрече во МХАТе.

Шри Чинмой (1931-2007)

Абсолют

Нет мысли, формы – только я.
Остановился всякого желанья ход.
Финал Природы танца, Тот,
Кого искал, есть я.

Блаженства мир раскрыт всецело мне;
За гранью знающего, знания;
Мой отдых неподвластен описанью;
С Единым я наедине.

Дороги тайные остались за спиной,
Одно теперь с Предназначением.
И Правды нерушимой откровение:
Сам стал путём, Божественной Душой.

Вершина всех вершин покорена,
И в сердцевине солнца я — молчанье.
Обмениваться нечем с временем, деяньями.
Моя космическая пьеса завершена.

Откровение

Познало сердце навсегда
Восторг Всевышнего восхода:
По своду Бесконечности душа
Жар-птицею летит в Свободу.

Раскрыты таинства Игры.
Неведение ушло в забвенье.
Вливаюсь в вечность Красоты.
Смотрю сквозь Око озаренья.

Бессмертие — моя судьба.
Я жизни корень и цветенье.
Во мне Всеобщая Душа
Свое находит исполнение.

*Провозгласил Откровение
Абсолюта по-русски
Юрий Москалев*

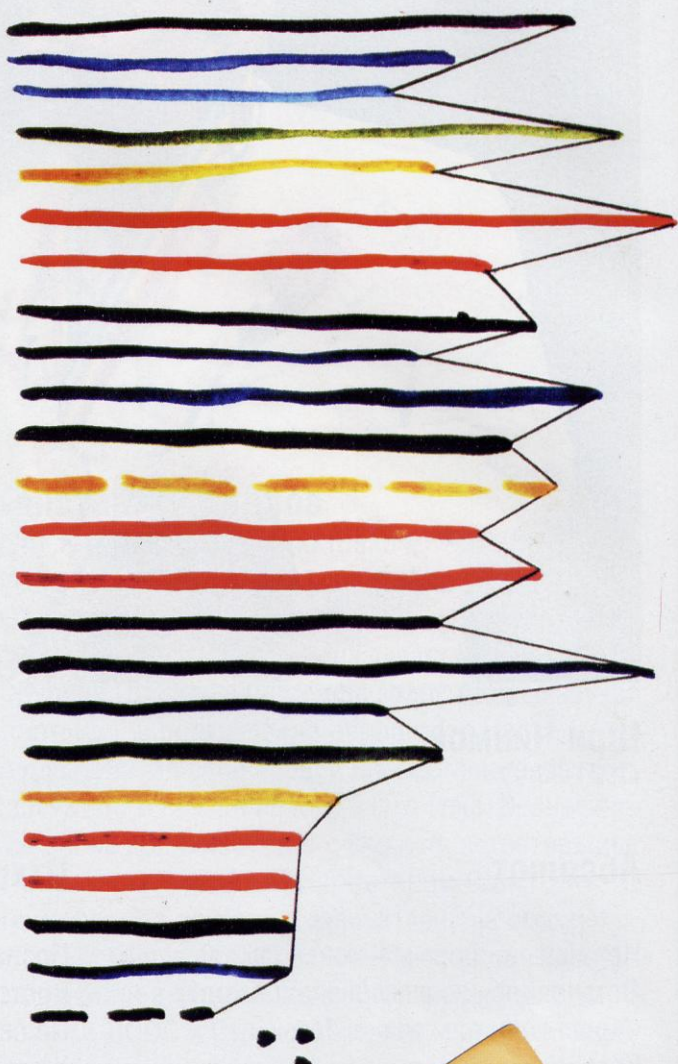
Композитор и музыкант Чинмой Кумар Гош родился в Индии (юго-восточная Бенгалия, ныне Бангладеш), жил и получал образование в духовной общине в Пондичерри. С 1964 года до последних дней своей жизни проживал в Нью-Йорке, активно гастролировал по миру. Как поэт всегда следовал заветам ведических провидцев и словам Упанишад, которые переложил на музыку: «Веди меня от нереального к Реальному / Веди меня от мрака к Свету. / Веди меня от смерти к Бессмертию».

Александр Раткевич
Полоцк, Белоруссия

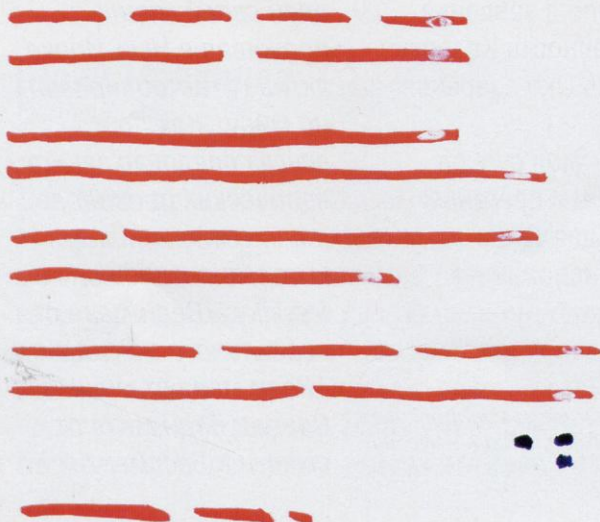
Версиколоредная поэзия

{Листопад}

{ЭКГ-1}

{Группа крови-2}

«И в глубях шахт, где тихо спит руда,
Мы грузим кровь железную на тачки...»
Михаил Зенкевич, 1911

Тумас Транстрёмер

лауреат Нобелевской премии по литературе за 2011 год
Стокгольм, Швеция

KYRIE

Иногда моя жизнь открывала глаза в темноте.
Казалось, будто беспокойные толпы вслепую
бредут по улицам в поисках чуда,
а я застыл невидимкой.
Так мальчик засыпает в страхе
под тяжёлую поступь сердца.
Это длилось и длилось, пока утро
не вкладывало лучи в замочную скважину
и двери темноты не распахивались настежь.

КОНТЕКСТ

Видишь бесцветное дерево? По его жилам
небо стекает в землю, —
сморщенная туча не уйдёт,
пока земля не напьётся. Похищенное
небо заплетается в косу корней,
запутывается в листве. Краткие мгновения
свободы, покидая нас, взвихриваются,
струятся по жилам Мойр и — ввысь.

АПРЕЛЬ И ТИШИНА

Весна такая пустынная.
Тёмно-бархатная канава,
ползёт рядом со мной
без малейшего отблеска.

Только и сияния
что от жёлтых цветков.

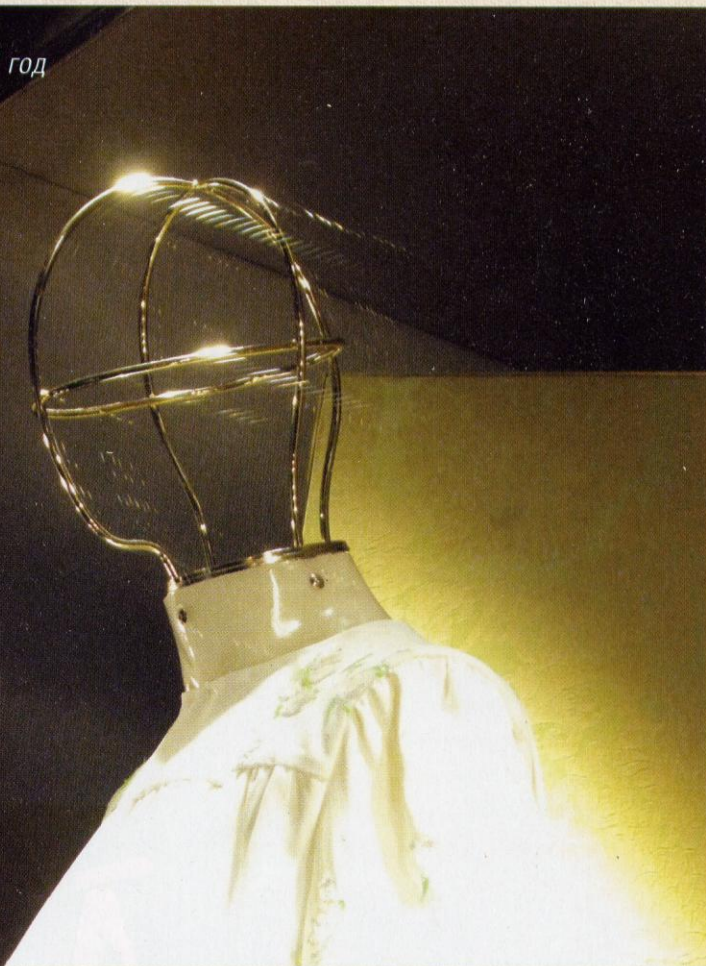
А я заточён в свою тень,
как в чёрный футляр —
скрипка.

То единственное, что я хочу сказать,
сверкает недосыгаемо,
как серебро
в ломбарде.

*Пропел Күрие по-русски в апрельской тишине
в тональности до мажор Павел Грушко (Бостон, США)*

ДО МАЖОР

Когда после любовного свидания он вышел на улицу,
вихрился снег.
Пока они занимались любовью,
наступила зима.
Ночь искрилась белизной.
Путь был лёгким и радостным.
Город шатало.
Прохожие улыбались —
всем было весело за поднятыми воротниками.
Он свободен!
Все вопросительные знаки
воспевали воскрешенье Господне.
Так ему казалось.
И ворвалась громкая музыка,
широко шагая сквозь снежные вихри.
Весь путь был в до мажоре.
Трепетная стрелка компаса застыла на до мажоре.
Всего час, и рана затянулась.
Так просто!
Все улыбались за поднятыми воротниками.

Фотография Елены Кацобы.

ВНИМАНИЕ!

ПОДПИСКА

- во всех почтовых отделениях;
- в подписных агентствах и их региональных представительствах

88 руб. 00 коп.

В Объединенном каталоге
Пресса России (том 1)
«Журнал **ПОЭТОВ**» на стр. **265**

Ж У Р Н А Л
№ 12 (33) 2011
ЭТОВ

Е.Кацяуба (ответ.секретарь);
В.Ахломов; С.Бирюков — доктор
культурологии (Германия);
А.Бубнов — доктор филол.наук;
профессор **В. Вестстейн** (Нидерланды);
А.Витухновская; А.Городницкий —
доктор геолого-минералогических наук;
К.Ковальджи; А.Кудрявицкий (Ирландия);
Б.Лежен (Франция); **В.Нарбикова;**
В.Барнирович — профессор Института
культурологии

Адрес в Интернете www.ekhoplanet.ru
e-mail ekho@ekhoplanet.ru

Ф.СП-1

Министерство связи РФ

АБОНЕМЕНТ на **81745**
(индекс издания)

журнал ПОЭтов

наименование издания										количество комплектов									
на 2012год (по месяцам):																			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12								

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(Фамилия, инициалы)

Дооставочная карточка

<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>	на <input type="text"/>	81745 (индекс издания)
ПВ	место	литер	журнал	

журнал ПОЭтов
(наименование издания)

СТОИМОСТЬ	подписки переадресовки	руб. руб.	коп. коп.	количество комплектов															
на 2012год (по месяцам):																			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12								

Куда
(почтовый индекс) (адрес)

Кому
(Фамилия, инициалы)

Фото Елены Кацюбы.